F 63/233

Г 63
2.33

Кошевые атаманы

Черноморскаго казачьяго войска

XVIII СТОЛѢТІЯ.

Съ иллюстраціями по фотографіямъ
Е. Д. Фелицына

Историко-біографическій очеркъ

Т. Т. Короленко.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе „Вѣстника Казачьихъ Войскъ".
1901.

Безплатное приложеніе къ «Вѣстнику Казачьихъ Войскъ».

Ф 63
233.

КОШЕВЫЕ АТАМАНЫ

ЧЕРНОМОРСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА

XVIII СТОЛѢТІЯ.

Историко-біографическій очеркъ П. П. Короленко.

УЧЕБНИЧ. И РУМЯНЦЕВ. МУЗЕЙ БИБЛІОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе „Вѣстника Казачьихъ Войскъ".
1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 Ноября 1901 года

2007043143

Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная улица, д. № 6.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Во время существованія Запорожскаго казачьяго войска во главѣ казаковъ стояли гетманы. Со времени Богдана Хмѣльницкаго стало извѣстно, что у запорожцевъ находился въ Сѣчи еще особый старшина, завѣдывавшій кошемъ, въ отсутствіи гетмана. Когда Хмѣльницкій занявшись войною съ поляками, основалъ свою резиденцію въ Чигиринѣ, то значеніе названнаго старшины еще болѣе обозначилось и онъ сталъ извѣстенъ подъ именемъ *кошевого атамана*; выяснилось и то, что кошевые атаманы служили по выбору „сѣчевого товарищества", которое безусловно подчинялось имъ до тѣхъ поръ, пока они оправдывали довѣріе своихъ избирателей; въ противномъ случаѣ казачья *рада* лишала ихъ атаманскаго званія и на мѣсто неугоднаго выбирала другого кошевого атамана.

Послѣднимъ кошевымъ атаманомъ въ войскѣ запорожскихъ казаковъ былъ Петръ Калнишевскій, — знаменитый и по своей долголѣтней службѣ въ этомъ званіи, и по своей дѣятельности въ организаціи войскового управленія, колонизаціи запорожскихъ земель и, наконецъ, по страданіямъ, которыя этотъ сильный мужъ перенесъ, подъ конецъ своей жизни, въ Соловецкихъ казематахъ, наложенныхъ на него державной рукой Екатерины II, „за сопротивленіе власти", — какъ значится по документамъ [1]).

[1]) См. мое сочиненіе „Предки кубанскихъ казаковъ съ Днѣпра и Днѣстра". Изд. Кубанскаго областн. статистич. комитета. Екатеринодаръ 1901, стр. 68—70.

За исключеніемъ свѣдѣній о кошевомъ атаманѣ войска запорожскихъ казаковъ Иванѣ Сѣрко, сообщенныхъ историкомъ Запорожья Эварницкимъ, о другихъ кошевыхъ атаманахъ не имѣется болѣе или менѣе обстоятельныхъ историко-біографическихъ изслѣдованій, но если бы собрать и сгруппировать матеріалы о жизни и дѣятельности ихъ, разбросанные въ дѣлахъ архивовъ и печатныхъ актахъ, хотя въ такомъ порядкѣ какъ изданы Костомаровымъ монографіи о гетманахъ, то и тогда бы былъ великій вкладъ въ исторію казачьихъ войскъ южной Россіи, въ которой, какъ извѣстно, кромѣ низоваго запорожскаго были еще и другія небольшія войска, у которыхъ тоже стояли во главѣ атаманы,—хотя и не кошевые, но были и съ этими названіями.

Во время турецкой войны 1797—1791 г. образовалось на Днѣстрѣ, изъ упраздненнаго Запорожскаго войска, *войско вѣрныхъ казаковъ*, названное впослѣдствіи *Черноморскимъ*. Первымъ кошевымъ атаманомъ у черноморцевъ по выбору казаковъ былъ Сидоръ Игнатьевичъ Бѣлой, а послѣднимъ Захарій Алексѣевичъ Чепѣга; далѣе уже атаманы именовались не кошевыми, а войсковыми.

Объ этихъ то двухъ атаманахъ я намѣренъ сообщить хотя тѣ скудныя свѣдѣнія, какія удалось мнѣ собрать при изысканіи матеріаловъ по исторіи кубанцевъ, помѣщенные въ статьѣ моей „Предки кубанскихъ казаковъ съ Днѣпра и Днѣстра“.

I.

Сидоръ Игнатьевичъ Бѣлой.

Сидоръ Игнатьевичъ Бѣлой происходилъ изъ дворянъ Новороссійской губерніи, Херсонскаго уѣзда. Изъ обязанностей которыя онъ исполнялъ въ своей жизни по войсковой казачьей, общественной и государственной службѣ нужно полагать, что онъ получилъ хорошее образованіе, но, вѣроятно, въ молодости еще оставилъ серьезную науку и остался свободнымъ господиномъ въ своемъ имѣніи. Усадьба или дача его находилась при р. Ингульцѣ, въ ней были разнаго рода строенія, водяная мельница и обширное скотоводство. Помѣстье это самъ Сидоръ Игнатьевичъ называлъ *слободой*, а внукъ его Николай говоритъ, что то былъ просто *зимовникъ* (запорожскій).

Сидоръ Бѣлой былъ женатъ, имѣлъ жену Марію, сыновей Николая, Василія, Тимофѣя, Александра и дочь Марію [1]). Но, вѣроятно, еще до своей женитьбы этотъ молодой помѣщикъ прельстился воинскимъ званіемъ и поступилъ на службу въ войско запорожскихъ казаковъ.

Когда именно онъ прибылъ въ Запорожскую Сѣчь и какую несъ службу между сѣчевымъ товариществомъ, свѣдѣній не имѣемъ, мы застаемъ его тамъ уже въ важной должности „войскового асаула“, при кошевомъ атаманѣ Калнишевскомъ, въ 1768 году. Эта должность была почетная и по рангу запорожской службы причислялась къ *кошевой старшинѣ*, въ четвертомъ лицѣ по старшинству.

---

[1]) Кубанскій войсковой архивъ, по атаманской описи, дѣло 1788 г. № 6. Фамильные документы сообщенные внукомъ Сидора Бѣлого Николаемъ Бѣлымъ.

Войсковой асаулъ въ запорожскомъ кошѣ, можно сказать, былъ правой рукой кошевого атамана. Чрезъ него приводились въ исполненіе, какъ рѣшенія войсковой рады запорожцевъ, такъ и распоряженія кошевого атамана по войску; особенно важное и отвѣтственное порученіе на Сидора Бѣлого въ той должности возлагалось по искорененію и преслѣдованію гайдамаковъ, бродившихъ шайками по Запорожью и врывавшихся въ сосѣднія владѣнія для разбоевъ и грабежей. Кошевой атаманъ велѣлъ ему не только ловить, забирать и представлять въ кошъ на судъ этихъ разбойниковъ, но употреблять и оружіе противъ нихъ, какъ противъ непріятелей, на случай ихъ сопротивленія; а это не легко было дѣлать при потворствѣ гайдамакамъ, изъ страха мести или корысти, не только мѣстныхъ жителей, но и самой сельской и поланочной власти [1])

Во время первой войны Екатерины II съ турками Запорожское войско принимало дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ числѣ запорожской старшины былъ и Сидоръ Бѣлой. За отличіе въ сраженіяхъ противъ непріятелей онъ удостоился получить въ награду въ 1770 году золотую медаль; по свидѣтельству сыновей этого старшины онъ имѣлъ еще офицерскій крестъ Св. Георгія [2]), но когда и за что получилъ этотъ важный военный орденъ свѣдѣній не имѣется.

Безспорно, старшина войска Запорожскаго Сидоръ Бѣлой былъ храбрый воинъ. Это доказывается всѣми дальнѣйшими его военными подвигами во вторую турецкую войну; но и

---

[1]) Командировка асаула Бѣлого имѣло важное значеніе въ исторіи Запорожья. По словамъ Филиппова для истребленія гайдамаковъ кошевымъ атаманомъ (Петромъ Калнишевскимъ) въ 1768 г. было отряжено до 3000 казаковъ, которые преслѣдуя этихъ разбойниковъ въ разныхъ мѣстахъ, забирали и представляли ихъ (какъ сказано и въ ордерѣ того атамана куреннымъ атаманамъ 27 іюля того года) на судъ въ Сѣчь, гдѣ ихъ до 200 чел. казнено. Этими суровыми мѣрами возстановлено спокойствіе на польской границѣ и въ новыхъ поселеніяхъ на запорожскихъ вольностяхъ. Во всемъ этомъ не малая заслуга предъ войскомъ Запорожскимъ и русскимъ государствомъ, падаетъ, кромѣ грознаго Кальниша, и на долю Сидора Игнатьевича, съ точностью выполнявшаго распоряженіе этого атамана по искорененію гайдамаковъ, какъ значится въ томъ же ордерѣ. См. Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей т. XX, засѣданіе 302, стр. 47, т. XXIII, статья Филиппова, стр. 18.

[2]) Московское отдѣл. архива главн. штаба, опись 107, дѣло 64, св. 120. Фамильные документы, сообщенные внукомъ Сидора Бѣлого, Николаемъ Бѣлымъ.

въ первой онъ былъ не заурядным офицеромъ, если примемъ во вниманіе, что онъ пользовался особеннымъ вниманіемъ въ главной квартирѣ главнокомандующаго дѣйствующею арміею. Я помню, по документамъ, что старшина Сидоръ Бѣлой былъ посланъ въ Крымъ съ извѣстіемъ о заключеніи Кайнарджійскаго мира и за это посольство получилъ отъ хана или сераскира въ награду богатый кафтанъ [1]).

Мы не имѣемъ подъ рукой матеріаловъ, чтобы охарактеризовать всю военную дѣятельность запорожскаго старшины Сидора Бѣлого, но можно съ увѣренностью полагать, что она была особенно выдающейся, такъ какъ по окончаніи сказанной войны, за оказанныя имъ храбрость и мужество въ дѣлахъ съ непріятелемъ, генералъ-аншефомъ княземъ Потемкинымъ онъ былъ представленъ къ наградѣ чиномъ секундъ-маіора, а это награда не малая, если принять въ соображеніе, что Сидоръ Бѣлой былъ запорожскій старшина, не имѣвшій чиновъ. Слѣдовательно и заслуги его должно быть были велики. Представленіе это долго тормозили въ Петербургѣ. Причиной этому, надо полагать, было не сомнѣніе въ томъ, что онъ достоинъ испрашиваемой награды, а принадлежность его къ войску Запорожскому, и только по засвидѣтельствованію новороссійскаго генералъ-губернатора, генералъ-маіора Языкова, въ благонадежности Сидора Бѣлого онъ опредѣленіемъ военной коллегіи 3 сентября 1779 года былъ произведенъ въ сказанный штабъ-офицерскій чинъ [2]).

До полученія еще этой награды Сидоръ Бѣлой, какъ выдающійся старшина въ Запорожской Сѣчи былъ командированъ въ 1774 году отъ запорожскаго коша въ Петербургъ, съ прошеніемъ къ Императрицѣ о дарованіи милостей войску запорожскихъ казаковъ. Съ нимъ вмѣстѣ были еще командированы старшины Логинъ Мощинскій и Антонъ Головатый.

Посольство это, какъ извѣстно, было не удачно, и въ то время, какъ Бѣлой съ прочими депутатами хлопоталъ въ столицѣ о дѣлахъ Запорожья, Запорожская Сѣчь была взята русскими войсками и разорена. Это происшествіе послужило поводомъ къ возвращенію Сидора Бѣлого въ его помѣстье.

---

[1]) Къ большому сожалѣнію я не могу указать источника о командировкѣ Сидора Бѣлого въ Крымъ; онъ гдѣ то затерялся между многими собранными мною матеріалами по исторіи казаковъ.

[2]) Фамильные документы, сообщенные внукомъ Сидора Бѣлого, Николаемъ Бѣлымъ. Московское отдѣленіе архива главнаго штаба, опись 107, № 80, св. 141.

Манифестомъ Императрицы Екатерины II отъ 3 августа 1775 г. Запорожская Сѣчь уничтожена, запорожцы разсѣялись по разнымъ мѣстамъ южной Россіи, многіе изъ нихъ ушли за границу въ турецкія владѣнія, а нѣкоторые, осѣдло жившіе, вмѣстѣ съ запорожскими землями, перешли во владѣніе помѣщиковъ, которымъ тѣ земли жаловались Высочайшею властью и, такимъ образомъ, изъ вольныхъ казаковъ сдѣлались крестьянами.

Болѣе благонадежные старшины Запорожья поступали по желанію на русскую коренную службу; имъ давались армейскіе чины и въ видѣ награды земли.

Къ этой категоріи запорожскихъ старшинъ принадлежалъ и Сидоръ Игнатьевичъ Бѣлой. Ему, съ Высочайшаго соизволенія, по указамъ новороссійской губернской канцеляріи 20 августа 1782 г., 31 марта и 1 апрѣля 1783 года, было пожаловано, въ потомственное владѣніе 9000 десятинъ земли, въ Херсонскомъ уѣздѣ, между рѣчками Ингульца и Высуни и кромѣ того еще 60 десятинъ населенной дачи „Новокурскъ“ при его помѣстьѣ при р. Ингульцѣ.

Лѣтъ семь Сидоръ Игнатьевичъ жилъ въ своемъ помѣстьѣ, въ кругу своей семьи и отдыхалъ отъ трудовъ, понесенныхъ на службѣ въ Запорожьѣ. Повидимому, онъ во все это время не занималъ никакой должности, но съ 1783 года начинается его общественная и государственная служба.

Будучи богатымъ помѣщикомъ, уважаемымъ всѣми знавшими его умъ и доброту и извѣстнымъ сильнымъ міра сего, Сидоръ Игнатьевичъ Бѣлой былъ избранъ предводителемъ дворянства Херсонскаго уѣзда, въ каковой должности находился въ теченіе 1784—1787 г. Кромѣ этого онъ исполнялъ весьма важныя порученія сіятельнаго князя Григорія Александровича Потемкина, обратившаго вниманіе на этого старшину, по выдававшимся его способностямъ въ дипломатическихъ и военно-административныхъ дѣлахъ.

Извѣстно, что князь Потемкинъ главную роль игралъ въ уничтоженіи Запорожья, извѣстно и то, что онъ проигралъ партію съ запорожцами въ борьбѣ за свободу, такъ какъ почти весь строевой составъ Запорожскаго войска, не желая подчиняться московской власти, ушелъ за границу, въ турецкіе предѣлы, изъ которыхъ многіе поселились за Бугомъ на Очаковскихъ степяхъ, а другіе прошли еще дальше за Дунай, и тамъ на отведенныхъ имъ турецкимъ султаномъ земляхъ основали кошъ вольнаго войска Запорожскаго, съ

той же самой организаціей какая была и въ Россіи, съ той только разницей, что кошевому атаману въ турецкой службѣ присвоивался рангъ двухъ-бунчужнаго паши. Это отличное, извѣстное своей храбростью въ военныхъ дѣлахъ войско, поступившее на службу турецкому султану, Россія потеряла, и Потемкинъ задался цѣлью во что бы ни стало вернуть турецкихъ запорожцевъ въ русскіе предѣлы; да и тѣ запорожцы которые остались въ Россіи, при всѣхъ стараніяхъ князя, не шли на военную службу, въ проектированныхъ имъ полкахъ.

Въ этихъ то трудныхъ обстоятельствахъ привлеченія запорожцевъ всесильный вельможа Григорій Александровичъ оказывался безсильнымъ, но великій мужъ, умѣвшій разрушать, умѣлъ и создавать. Онъ не остановился на препятствіяхъ, и понявъ, что самъ онъ силою и властью не совладѣетъ съ запорожцами, прибѣгнулъ къ содѣйствію извѣстнаго всему Запорожскому войску старшины Сидора Бѣлого. 8 февраля 1783 года манифестомъ Императрицы Екатерины II Крымъ присоединенъ къ Россіи. Въ это время на престолѣ татарскаго народа былъ ханъ Шагинъ-Гирей. Подъ давленіемъ Турціи въ Крыму разгорѣлся сильный бунтъ, съ которымъ слабосильный ханъ не могъ справиться, и покровительствовавшая ему Екатерина II заняла Крымъ русскими войсками.

Это время князь Потемкинъ призналъ самымъ удобнымъ для вызова запорожцевъ уже не на регулярную, а на казацкую службу съ атаманомъ во главѣ, а не съ полковымъ командиромъ, какъ проектировалъ прежде. Для этого онъ 1 и 16 іюля 1783 года, разослалъ призывные листы къ русскимъ и турецкимъ запорожцамъ, приглашая ихъ прибыть на службу Россіи, подъ его предводительствомъ, противъ исконныхъ враговъ ихъ татаръ. На первый разъ, изъ откликнувшихся на лестный вызовъ запорожцевъ, Потемкинъ началъ формировать тысячную команду, изъ 500 человѣкъ конныхъ и 500 человѣкъ пѣшихъ, изъ которыхъ 800 были русскихъ и 200 чел. турецкихъ запорожцевъ, вышедшихъ изъ за Буга. Главнымъ начальникомъ надъ этими всѣми казаками, или по казацки атаманомъ, Потемкинъ опредѣлилъ Сидора Бѣлого, который во все время сбора запорожцевъ содѣйствовалъ князю и продовольствовалъ казаковъ провіантомъ изъ казенныхъ магазиновъ.

Такой успѣшный сборъ запорожцевъ на русскую службу можно приписать служившему посредникомъ между ними и

Потемкинымъ Сидору Бѣлому. Они его знали, уважали и вѣрили, что этотъ старшина своимъ стараніемъ о пользѣ ихъ, успѣетъ съ помощью князя достигнуть завѣтнаго желанія казаковъ—возобновить въ Россіи войско Запорожское.

Принявши въ свое вѣдѣніе запорожскую команду, Сидоръ Бѣлой подалъ князю Потемкину 24 октября докладъ, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: — „Ведущее благоистинною добродѣтелью, (вашей) свѣтлостію изліянною на непричастныхъ въ буйствѣ бывшаго войска Запорожскаго казаковъ, обновить счастье высокомилостивѣйшимъ, какъ (мнѣ) такъ и товарищамъ (моимъ) повелѣніемъ о собраніи съ отправленіемъ казачьей службы вольножелающихъ съ обѣщаннымъ награжденіемъ"... Продолжая въ такомъ же высокопарномъ тонѣ благодарность, Бѣлой просилъ свѣтлѣйшаго князя освободить запорожцевъ отъ крѣпостной зависимости помѣщиковъ, которые неправильно приписали ихъ себѣ въ крестьяне, по жительству ихъ на земляхъ, отошедшихъ отъ Запорожскаго войска во владѣніе чиновнымъ лицамъ русскаго государства, или же переселить запорожцевъ изъ тѣхъ земель въ казенныя селенія, лишь бы избавить ихъ отъ крѣпостного рабства [1]).

Вѣроятно вслѣдствіе этого прошенія были составлены именные (семейные) списки тѣхъ запорожцевъ, которые зачислены въ крестьяне разными помѣщиками, вмѣстѣ съ землей полученной ими съ Высочайшаго соизволенія въ Екатеринославскомъ и Александровскомъ уѣздахъ [2]), но освободить ихъ на волю тогда не представлялось возможности. Нужно было выждать для этого болѣе благопріятное время.

Такъ какъ татарскій бунтъ вскорѣ русскими войсками былъ подавленъ, то казакамъ запорожской команды, посланной въ Крымъ съ Сидоромъ Бѣлымъ, не представилось случая оказать особенныя отличія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Однако князь Потемкинъ не торопился еще распускать со-

[1]) Фамильные документы сообщенные внукомъ Сидора Бѣлого, Николаемъ Бѣлымъ. Болѣе же подробный ходъ дѣла о вызовѣ княземъ Потемкинымъ запорожцевъ на службу можно видѣть въ сочиненіи моемъ „Предки кубанскихъ казаковъ съ Днѣпра и Днѣстра".

[2]) По спискамъ двухъ только уѣздовъ Екатеринославскаго и Александровскаго значится зачисленныхъ въ крестьяне запорожскихъ казаковъ мужескаго пола 3735, женскаго 2175 и жившихъ на запорожскихъ земляхъ посполитыхъ людей мужескаго 2076 и женскаго пола 1571 души. Списки этихъ крестьянъ имѣются въ дѣлѣ Кубанскаго войскового архива, по атаманской описи, 1783 г. № 1. Вѣроятно были такіе же закрѣпощенные запорожцы и въ другихъ уѣздахъ.

бравшихся запорожцевъ, которыхъ по мирному времени неудобно было удерживать долѣе на казенномъ содержаніи, и подалъ Императрицѣ Екатеринѣ II, 6 апрѣля 1784 года всеподданнѣйшій докладъ, которымъ испрашивалъ соизволенія Государыни на сформированіе изъ собранныхъ и могущихъ собраться еще запорожскихъ казаковъ войска по Донскому положенію, съ опредѣленіемъ имъ для поселенія земли на правой сторонѣ Днѣпра.

Екатерина Алексѣевна этотъ докладъ приняла благосклонно и поручила Потемкину устроить дальнѣйшую судьбу запорожцевъ по его усмотрѣнію. Тогда свѣтлѣйшій князь вновь призвалъ къ себѣ усерднаго помощника по дѣламъ Запорожья Сидора Бѣлого, которому и поручилъ отправиться за границу въ турецкіе предѣлы и постараться всѣми мѣрами вывести оттуда на русскую сторону турецкихъ запорожцевъ, для сформированія изъ нихъ и находившихся въ Россіи казаковъ войска Запорожскаго. При этомъ Потемкинъ далъ Бѣлому слѣдующій ордеръ:—„Ея Императорское Величество, простирая матернее милосердіе на возвращающихся съ истиннымъ раскаяніемъ въ отечество свое казаковъ, бывшаго войска Запорожскаго, Всемилостивѣйше мнѣ поручить благоволила произведеніе въ дѣйство распоряженія касательно постановленія и установленія житія ихъ. И потому вамъ предписываю, объявя имъ Высочайшую сію милость, дать при этомъ знать, что мѣста для поселенія ихъ назначаются, куда и могутъ они направлять путь свой. Всѣмъ имъ отведутся достаточныя земли подъ поселенія; не могутъ однако терпимы быть общества безъ женныхъ людей, по прежнему обычаю войска Запорожскаго, но должны они учреждать жительства прочныя и отечеству полезныя. Если захотятъ они быть на основаніи войска Донского, то сіе позволяется и они при всякомъ походѣ будутъ получать жалованье, въ уравненіи съ казаками...“[1]).

Нужно было много отваги, чтобы принять такое порученіе, весьма важное и лестное, но и опасное. Кто могъ поручиться, что турецкіе запорожцы не посадятъ на колъ Сидора Бѣлого, оставшагося вѣрнымъ Россіи и пользовавшагося благосклоннымъ вниманіемъ высшихъ сановниковъ государства и особенно приближеннаго къ князю Потемкина, котораго многіе изъ запорожцевъ считали виновникомъ удаленія

[1]) Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. XV, стр. 556.

ихъ изъ своего отечества. Но Бѣлой былъ и неустрашимый храбрый воинъ, и искусный дипломатъ, надѣявшійся на свои силы среди враждебныхъ запорожцевъ.

Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о самомъ посольствѣ Бѣлого къ турецкимъ запорожцамъ, но результатъ его извѣстенъ: они не пошли въ русскіе предѣлы. Причины, почему вызовъ этотъ не удался, понятны. Во первыхъ, въ прокламаціи Потемкина, чрезъ ордеръ Бѣлому, не было указано въ какихъ именно границахъ давалась земля запорожцамъ. Хотя Бѣлой и могъ объяснять лично, что земля для поселенія ихъ назначается, какъ сказано выше, на правой сторонѣ Днѣпра, но его словамъ не каждый могъ вѣрить, а на бумагѣ у него удостовѣренія не было; во-вторыхъ — не объявлялась будущая организація войскового управленія ихъ въ Россіи и самыя права ихъ въ войскѣ. Выраженіе Потемкина „если захотятъ они (запорожцы) быть на основаніи войска Донского, то сіе позволяется“ особеннаго значенія не имѣло. А если не пожелаютъ, тогда что?... Такой вопросъ каждый казакъ могъ задать Бѣлому; и тотъ не могъ на это дать отвѣта. А между тѣмъ каждому запорожцу по душѣ было кошевое управленіе въ Россіи и такое же организованное въ Турціи за Дунаемъ, и измѣнять строй такой организаціи едва ли было желательно запорожцамъ.

Такъ или иначе, а посольство Сидора Бѣлого за границу къ турецкимъ запорожцамъ все таки принесло нѣкоторую пользу. Если онъ, не имѣя полномочія въ нѣкоторыхъ вопросахъ, не могъ сразу склонить запорожцевъ къ немедленному переходу ихъ въ Россію, то подготовилъ для этого почву въ будущемъ, когда выяснятся достаточно условія такого перехода, согласныя съ желаніями этихъ казаковъ, а это былъ только вопросъ времени, и князь Потемкинъ, имѣя дозволеніе Государыни устроить войско запорожскихъ казаковъ по своему усмотрѣнію, могъ согласиться на всякія требованія запорожцевъ, лишь бы они только не противорѣчили русскимъ законамъ.

Конечно, для успѣха дѣла нужно было дозволить казакамъ во первыхъ открыть въ Россіи кошевое управленіе на прежнемъ основаніи, существовавшемъ въ Запорожьѣ; во вторыхъ освободить изъ подъ крѣпостной зависимости казаковъ для пополненія строевого состава ихъ войска и въ третьихъ—поднять духъ запорожскихъ старшинъ, угнетаемыхъ въ Россіи пренебреженіемъ къ ихъ званію и бѣдности.

Первый вопросъ, какъ мы знаемъ, уже былъ затронутъ,

оставалось только выяснить формальное согласіе на него русскаго правительства; второй—былъ уже на очереди къ разрѣшенію, и если запорожцы томились еще въ крѣпостномъ рабствѣ, то только потому, что послѣдняго слова о сформированіи въ Россіи вновь войска запорожскихъ казаковъ еще не было сказано. Засимъ оставалась рѣчь о запорожскихъ старшинахъ, къ устройству быта которыхъ правительственная власть относилась благосклонно.

Въ виду этого Сидоръ Бѣлой вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ по петербургскому посольству Антономъ Головатымъ, по предложенію правителя екатеринославскаго намѣстничества генерала Синельникова, составилъ два списка находившимся въ Россіи запорожскимъ старшинамъ, по одному просилъ наградить достойнѣйшихъ старшинъ оберъ-офицерскими чинами арміи, а по другому—болѣе бѣдныхъ и менѣе знатныхъ освободить отъ разныхъ тягостей и повинностей, налагаемыхъ на нихъ мѣстнымъ начальствомъ [1]).

Такое ходатайство, представлено генералу Синельникову въ 1787 году, тогда, когда подоспѣли уже къ разрѣшенію и первые два вопроса по устройству быта запорожцевъ, а потому улучшеніе положенія старшинъ зависѣло отъ нихъ самихъ, на военной службѣ въ наступавшей турецкой войнѣ.

До наступленія еще этой войны Императрица Екатерина предприняла весною того года путешествіе въ Крымъ. Князь Потемкинъ, желая еще болѣе расположить Ея Величество къ запорожцамъ, поручилъ Сидору Бѣлому собрать команду конныхъ казаковъ и съ ними конвоировать Государыню во время ея путешествія въ предѣлахъ екатеринославскаго намѣстничества, а на Днѣпрѣ выставилъ опытныхъ лоцмановъ для спуска императорской флотиліи внизъ по Днѣпру, чрезъ пороги, и, такимъ образомъ, какъ говорится, показалъ товаръ лицомъ.

Все это исполнялось такъ, какъ было приказано: Сидоръ Бѣлой отъ Крылова конвоировалъ Государыню, ѣхавшую на галерѣ „Днѣпръ“, берегомъ и „казаки гарцовали на проворныхъ своихъ скакунахъ“, а запорожскіе лоцманы спускали императорскія суда чрезъ страшные пороги Днѣпра, только замѣнили судовые рули своимъ традиціоннымъ крѣпкимъ и надежнымъ *стерномъ*, выдѣланнымъ изъ большого дерева, въ видѣ весла, на которое они въ самую опасную минуту про-

[1]) Кубанскій войсковой архивъ. Дѣло по атаманской описи 1787 г., № 2.

хода судна между скалами, наваливались всей своей мощной богатырской грудью. Когда проводили чрезъ самый грозный Ненаситецкій порогъ царскую галеру, то Императрица стояла на берегу и дивилась ловкости, искусству и неустрашимости запорожцевъ, но минованіи же опасности, какъ говорятъ, подозвала къ себѣ старшаго лоцмана Полторацкаго, благодарила и пожаловала его чиномъ поручика, а 13 лѣтняго сына его произвела въ прапорщики и возвела въ потомственное дворянство.

Французскій посолъ графъ Сегюръ, бывшій лично при переправахъ царской флотиліи чрезъ днѣпровскіе пороги, говоритъ, что въ это время судна „такъ сильно качало, что казалось они ежеминутно могутъ разбиться, или исчезнуть въ волнахъ;... при половодьѣ проѣздъ этотъ удобнѣе, особенно при помощи ловкихъ старыхъ запорожцевъ, привыкшихъ къ такимъ опаснымъ подвигамъ. Князь Потемкинъ такъ полагался на ихъ опытность, что предположилъ спустить до Херсона всѣ суда, на которыхъ мы плыли, изъ Кіева до Кайдака....“

По словамъ стараго черноморца Туренко, князь Потемкинъ въ Кременчугѣ представилъ Императрицѣ запорожскихъ депутатовъ, во главѣ которыхъ стоялъ Сидоръ Бѣлой. Депутаты подали Государынѣ прошеніе о возстановленіи въ Россіи войска Запорожскаго. Добрая Монархиня приняла депутатовъ милостиво и оказала имъ свое благоволеніе.

Послѣ этого Сидоръ Игнатьевичъ еще въ Бериславлѣ былъ принятъ Государыней и имѣлъ счастье бесѣдовать съ Ея Величествомъ, оказывавшей особенное вниманіе къ этому именитому старому запорожцу [1]).

Изъ Бериславля Императрица ѣздила сухимъ путемъ, *великимъ шляхомъ* (соляный трактъ), въ Херсонъ, откуда обратно воротилась въ Бериславль. На этомъ переѣздѣ, узнавъ, что на р. Ингульцѣ находится зимовникъ (помѣстье), конвоировавшаго царскій поѣздъ Сидора Бѣлого, Государыня предложила ему въ даръ прилегавшій къ его имѣнію Кривой-Рогъ, съ окружающей землей, но доблестный старшина, обласканный и удостоенный Высочайшаго благоволенія, далъ такой отвѣтъ.: — „Не треба, мамо! Буде з мене и той милости, що міні подарувала“.

Такой отказъ отъ царскаго дара въ высшей степени харак-

---

[1]) Кіевская Старина 1891 г. Іюль, стр. 25, 47, 48—49. 1887 г. мартъ, стр. 499. Сборникъ военно-историч. матеріаловъ Дубровина. Вып. 6, № 156, 158.

теризуетъ высокое благородство души Сидора Игнатьевича и рыцарское его безкорыстіе.

Тогда вмѣсто Кривого-Рога Екатерина II пожаловала доблестному старшинѣ золотую табакерку, осыпанную алмазами [1]).

На обратномъ пути Государыни въ Петербургъ, уже сухимъ путемъ, Сидоръ Игнатьевичъ вновь конвоировалъ Ея Величество съ своими запорожцами по екатеринославскому намѣстничеству, и, когда она выѣхала изъ Кременчуга на Полтаву, онъ провожалъ ее даже за р. Псёлъ [2]).

Послѣ путешествія Императрицы Екатерины II въ Новороссію старанія Сидора Игнатьевича Бѣлого о возстановленіи войска Запорожскаго, можно сказать, были обезпечены, и осуществленіе этой монаршей милости и завѣтнаго желанія запорожцевъ было только вопросомъ времени, которое, къ ихъ счастью, въ томъ же году и наступило.

Въ 1787 году началась война Россіи съ Турціей, и подъ русскія знамена, по вызову князя Потемкина, начали стекаться со всѣхъ сторонъ запорожцы. Во главѣ ихъ сталъ атаманомъ все тотъ же старшина Сидоръ Бѣлой, формировавшій изъ храбрыхъ своихъ казаковъ волонтерскую команду. Ближайшими его сотрудниками по принятію запорожцевъ на опредѣленныхъ пунктахъ были тоже запорожскіе старшины Захарій Чепѣга и Антонъ Головатый.

Успѣшность сбора запорожскихъ казаковъ въ эту войну обусловливалась отчасти прежней подготовкой ихъ Бѣлымъ къ русской службѣ на прежнемъ своемъ казачьемъ положеніи, а больше этого, что имъ было уже извѣстно монаршее соизволеніе на образованіе вновь войска запорожскихъ казаковъ.

Быстро умножалась волонтерская команда, покровительствуемая княземъ Потемкинымъ, и къ концу года подъ командой атамана Бѣлого находилось до 1000 вѣрныхъ казаковъ. Команда эта была подчинена генералу Суворову, который, по распоряженію Потемкина, снабжалъ казаковъ оружіемъ, боевыми припасами, провіантомъ и всѣмъ прочимъ, въ чемъ казаки имѣли нужду. Начавъ сборъ команды въ Переславлѣ,

---

[1]) Фамильные документы, сообщенные внукомъ Сидора Бѣлого, Николаемъ Бѣлымъ. Высочайше пожалованная Сидору Бѣлому табакерка по духовному завѣщанію его поступила младшему сыну Александру Сидоровичу.

[2]) Кубанскій войсковой архивъ, по атаманской описи дѣло 1788 г., № 48.

Бѣлой перешелъ съ казаками въ Прогной, а оттуда въ концѣ года передвинулся на Бугъ и расположилъ свой кошъ надъ лиманомъ, въ урочищѣ Васильково [1]).

Въ этомъ первомъ кошѣ запорожская волонтерская команда, съ соизволенія князя Потемкина, приняла названіе *Войска вѣрныхъ казаковъ* и на собранной радѣ все товарищество избрало и утвердило кошевымъ атаманомъ вождя своего Сидора Игнатьевича Бѣлого, войсковымъ судьей — Антона Андреевича Головатаго, войсковымъ писаремъ — Ивана Пулѣсецкаго, войсковымъ асауломъ — Алексѣя Кобиняка, куренными атаманами выбраны тѣ же, что были и въ Запорожьѣ, а кого не доставало, избрали изъ достойныхъ товарищей; всѣхъ ихъ было 38, по числу запорожскихъ куреней, съ прежними названіями ихъ.

Сбылись, наконецъ, завѣтныя желанія Сидора Игнатьевича Бѣлого о возстановленіи войска запорожскихъ казаковъ; достигъ онъ высшей чести и славы въ этомъ войскѣ, о которой только могъ мечтать.

Свѣтлѣйшій князь Потемкимъ Таврическій, признавъ образованное кошевое управленіе дѣйствительнымъ, остался вполнѣ довольнымъ и, произведя Сидора Бѣлого за его усердіе и ревность къ службѣ въ чинъ подполковника, представилъ все это на утвержденіе Императрицы, а вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовалъ о надѣленіи войска вѣрныхъ казаковъ землею въ Керченскомъ кутѣ, или на Тамани, а атаману Бѣлому 2 января 1788 года предписалъ употребить всемѣрное стараніе о пріумноженіи во ввѣренномъ ему войскѣ казаковъ, снабженіи ихъ оружіемъ и обученіи стрѣльбѣ, а когда получилъ на свое представленіе Высочайшее соизволеніе, то далъ о семъ знать слѣдующимъ ордеромъ 31 января: „Войска вѣрныхъ казаковъ войсковому атаману господину подполковнику Сидору Бѣлому, старшинамъ и всему войску. Ея Императорское Величество всемилостивѣйшая наша Монархиня, пріемля за благо усердіе ваше въ собраніи противу врага христіанства, оказанное Высочайшимъ именнымъ повелѣніемъ указать мнѣ соизволила объявить вамъ Высочайшее свое благоволеніе, о которомъ и даю вамъ чрезъ сіе знать, надѣясь что при восчувствованіи сія Монаршія милости вящше воспылаетъ въ васъ ревнованіе къ отличенію себя вѣрностію и заслугами, въ чемъ и желаю да Господь Богъ вамъ вспомоществуетъ. Ея Императорское Величество

---

[1]) Тамъ-же. Дѣло 1787 г. № 3, 1788 г. № 11.

изволила снизойти на пожалованіе вамъ земли въ Керченскомъ кутѣ, или на Тамани...“ [1]).

Это первая бумага князя Потемкина Таврическаго, писанная въ формѣ грамоты, которою оффиціально утверждалось и атаманское достоинство Бѣлого и существованіе старшинъ и войска вѣрныхъ казаковъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ рескриптѣ Государыни, данномъ 14 января, на его представленіе, читаемъ: „Пріемлемъ за благо усердіе подполковника Сидора Бѣлого и прочихъ старшинъ *войска Запорожскаго...*“, словъ *кошевого атамана* нѣтъ; Потемкинъ тоже не называетъ Бѣлого *кошевымъ*, а именуетъ его *войсковымъ* атаманомъ; а старшинъ и войска не называетъ *запорожскими*, — хотя въ рескриптѣ сама Монархиня его именовала такъ [2]). Здѣсь мы видимъ, что Потемкинъ не даетъ возобновленному войску прежняго его названія, а именуетъ запорожцевъ только *вѣрными казаками*, въ отличіе отъ невѣрныхъ, находившихся въ турецкой службѣ.

Почему Потемкинъ не хотѣлъ именовать Бѣлого кошевымъ, а созданное имъ же самимъ изъ запорожскихъ казаковъ войско—Запорожскимъ,—неизвѣстно, но что онъ объ этомъ писалъ Государынѣ, то это вѣрно, потому что получилъ отъ Ея Величества письмо 27 февраля, въ которомъ между прочимъ значится: „что вѣрные запорожцы вѣрно служатъ, сіе похвально, но имя запорожцевъ старайся замѣнить инымъ, ибо Сѣча, уничтоженная манифестомъ, не оставила по себѣ умамъ пріятное прозваніе; въ людяхъ же, незнающихъ, чтобы не возбудила мечты, будто за нужное нашлось возстановить Сѣчу, или названіе...“ [3]). Такъ вотъ разгадка заинтересовавшаго насъ вопроса, въ силу котораго Потемкинъ во все дальнѣйшее время избѣгалъ названія атамана кошевымъ, а войска — Запорожскимъ, другимъ же не мѣшалъ такъ называть *того* и *другое*, а войсковое управленіе—*кошемъ*, и не переставалъ заботиться о вѣрныхъ казакахъ до самой своей смерти.

Конечно, для вѣрныхъ казаковъ не такъ важно было утраченное прежнее названіе запорожцевъ, какъ то, что разсѣянное ихъ войско вновь сильною рукой князя Гаврище-

---

[1]) Московское отдѣленіе архива главнаго штаба, дѣло 1788 г., опись 107, № 51, св. 140. Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ Дубровина, т. 27, № 199.

[2]) Полное Собраніе Законовъ, т. XXII, № 16605.

[3]) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. 27, Спб. 1880 г., стр. 476.

скаго было собрано, а еще болѣе дорого то, что имъ дозволено было вновь организовать кошевое управленіе, такъ точно какъ было и въ Запорожьѣ; недоставало только отобранныхъ у нихъ при разореніи послѣдней Сѣчи войсковыхъ клейнодъ. Но къ счастью и великой ихъ радости милостивая Царица, по ходатайству Григорія Александровича, и этимъ наградила войско вѣрныхъ казаковъ. Этотъ великій мужъ умѣлъ карать, умѣлъ и награждать, то и другое вполнѣ. По порученію его, генералъ Суворовъ доставилъ при ордерѣ „Вѣрнаго *Запорожскаго* войска господину атаману *кошевому* Бѣлому", 27 февраля 1788 г. знамя *войсковое* бѣлое большое, нѣсколько малыхъ знаменъ для куреней, булаву атамана кошевого и нѣсколько перначей; а войсковую печать, особо сдѣланную, по Высочайшему повелѣнію, Потемкинъ самъ при ордерѣ 13 мая прислалъ атаману Бѣлому [1]), и этимъ довершилъ полное устройство войска, получившаго болѣе прежняго соотвѣтственное названіе „Черноморскаго", такъ какъ служба его началась и продолжалась у Чернаго моря.

Полученіе войсковыхъ клейнодъ въ кошѣ сопровождалось большимъ торжествомъ. Кошевой атаманъ при распущенныхъ знаменахъ и пушечной пальбѣ объявилъ казакамъ о новой милости Царицы войску и благодѣяніи свѣтлѣйшаго князя, давшаго все то, что только можно было желать, о чемъ открытымъ ордеромъ 27 мая опубликовалъ: „Коша вѣрныхъ казаковъ бывшаго Запорожскаго низового войска полковымъ старшинамъ, яко-то: полковникамъ, асауламъ, хорунжимъ, атаманамъ куреннымъ и въ отрядныхъ партіяхъ произведеннымъ старой службы рядовымъ казакамъ, товариству, при аттестатахъ, свидѣтельствахъ... отставкахъ и безъ награды состоящимъ". Выяснивъ въ этомъ ордерѣ образованіе войска изъ Запорожскихъ казаковъ, назначеніе его атаманомъ этого войска, полученіе войсковыхъ клейнодъ и попеченіе объ этомъ войскѣ князя Потемкина, Сидоръ Игнатьевичъ вызывалъ на службу въ свое войско всѣхъ запорожцевъ, какіе гдѣ окажутся, какъ въ Россіи, такъ и за границей, обѣщая послѣднимъ, Высочайшимъ именемъ, прощеніе ихъ измѣны своему отечеству [2]).

Въ вызовѣ турецкихъ запорожцевъ подъ русскія знамена

---

[1]) Кубанскій войсковой архивъ, по атаманской описи, дѣло 178[illegible] г. № 26.

[2]) Тамъ-же. Дѣло 1788 г. № 11.

много способствовалъ кошевому атаману Бѣлому князь Потемкинъ. Онъ назначилъ особаго старшину для пріема на Кинбурнской сторонѣ выходившихъ изъ турецкихъ предѣловъ запорожскихъ казаковъ и поручилъ войсковому полковнику Сухонѣ объявить послѣднимъ, что всѣ они по возвращеніи въ свое отечество получатъ прощеніе отъ милостивой Государыни и примутся на службу тѣмъ званіемъ, въ которомъ находились на турецкой службѣ [1]).

Такъ какъ тѣхъ недоразумѣній и затрудненій какія встрѣчались при прежнихъ вызовахъ уже не было, то приливъ запорожцевъ въ вѣрное войско былъ большой; не говоря уже о тѣхъ, кто спѣшилъ стать изъ русскихъ подъ булаву уважаемаго всѣми извѣстнаго кошевого Бѣлого, много выходило и изъ-за границы казаковъ,—особенно тѣхъ, кто находился на Очаковскихъ степяхъ за Бугомъ, но изъ-за Дуная не много оказалось желающихъ, во-первыхъ, имъ трудно было укрыться, для выхода въ русскую сторону, отъ турецкаго надзора, а во-вторыхъ, и самыя казачьи власти задунайскаго коша такому переходу препятствовали.

Всѣ прибывавшіе на сборные пункты запорожцы приводились къ присягѣ на вѣрность службы Россіи, зачислялись въ войско вѣрныхъ казаковъ и записывались въ курени по своему желанію.

Во все это время кошевой атаманъ, увеличивая свое войско, старался упрочить и свой кошъ: строилъ куренныя зданія для помѣщенія казаковъ, ставилъ прочные сараи и рылъ погреба для склада провіанта, войскового имущества и артиллерійскихъ запасовъ, исправлялъ суда, данныя Потемкинымъ для войсковой казачьей флотиліи и, важнѣе всего, поставилъ въ кошѣ походную церковь, въ которой въ положенные дни производилось церковное богослуженіе и возсылалась къ Творцу общая казацкая молитва за себя, войско, царя и отечество.

Однажды, когда Сидоръ Игнатьевичъ съ старшинами и казаками стоялъ въ церкви на утренней молитвѣ, часа за полтора до свѣта, доложили караульные, что въ лиманѣ показалась турецкая эскадра, направляющаяся въ сторону коша. Это случилось 21 мая. Давъ надлежащія распоряженія для отраженія враговъ, набожный атаманъ остался на мѣстѣ до окончанія богослуженія. По его приказанію казаки стали

[1]) Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ Дубровина, вып. VI, № 216, 234.

подъ ружье на берегу и сѣли въ лодки, приготовляясь пушечными съ нихъ выстрѣлами встрѣчать непрошенныхъ гостей. Замѣтивъ такое приготовленіе казаковъ къ бою, турки не отважились близко подойти къ берегу и, давши издалека нѣсколько выстрѣловъ, не причинившихъ вреда никому изъ казаковъ, удалились къ своимъ берегамъ [1]).

Спустя, послѣ этого, дней семь, Суворовъ вытребовалъ кошевого атамана Бѣлого съ казаками на лодкахъ въ устье Бута, гдѣ на нихъ напали турки въ превосходномъ числѣ. При происшедшемъ сраженіи турки съ своихъ судовъ сильно повредили пушечными выстрѣлами четыре казацкихъ лодки, причемъ Бѣлой потерялъ нѣсколько казаковъ убитыми и раненными, но всетаки успѣлъ пробиться сквозь линію непріятельскихъ судовъ и 3 іюня присоединился къ нашей гребной флотиліи, бывшей подъ начальствомъ принца Нассау-Зигенъ, который посылалъ Бѣлого въ ночные разъѣзды, подъ самые турецкіе берега, для наблюденія за дѣйствіемъ непріятелей.

Первое морское дѣло, хотя и свидѣтельствовало объ отличной храбрости казаковъ подъ начальствомъ своего атамана, вырвавшагося изъ турецкой осады сравнительно еще съ небольшимъ урономъ, но, какъ не имѣвшее значенія въ военномъ отношеніи, прошло безслѣднымъ; зато слѣдующее, 7 числа, доказало силу, отвагу и ловкость казаковъ и неустрашимость храбраго ихъ атамана. Этого числа поднялась сильная буря, морскія волны били прямо на казацкую гребную флотилію, не могшую ни маневрировать, ни двигаться впередъ и только представлявшую собой удобную мишень для пушечныхъ выстрѣловъ съ подходившихъ турецкихъ судовъ. Положеніе парусной флотиліи было самое критическое, но ее выручилъ кошевой атаманъ Бѣлой. По его приказанію сильные духомъ и физически казаки взялись за весла, налегли на нихъ всей мощью богатырской груди, вынеслись впередъ, захватили на буксиръ своими лодками парусные суда и, преодолѣвая катившіеся на нихъ горами буруны, пошли впередъ противъ турокъ, выдерживая на себѣ удары разъяренной морской стихіи и ожесточенныхъ непріятелей, которые неожиданно очутились вмѣсто аттакующихъ аттакованными. Такое необыкновенное дѣйствіе казаковъ, добиравшихся до непріятельскихъ судовъ, несмотря на всѣ пре-

[1]) Кубанскій войсковой архивъ, по атаманской описи дѣло 1788 г. № 264.

пятствія, просто смутило турокъ, опасавшихся казацкаго абордажа, а когда съ нашихъ судовъ удачными выстрѣлами взорвало три турецкихъ суда съ людьми на воздухъ, то изумленіе перешло въ панику и турецкая флотилія, вдвое превосходившая нашу, пустилась въ бѣгство. Побѣда оказалась на сторонѣ русскихъ и всецѣло принадлежала казакамъ, руководившимся мудрыми распоряженіями храбраго и безстрашнаго своего атамана.

Главнокомандующій арміей князь Потемкинъ, узнавши о такомъ блестящемъ подвигѣ вѣрныхъ казаковъ, на другой день писалъ Сидору Игнатьевичу:—„Всякій опытъ ревности вашей къ службѣ и усердія, всякій подвигъ означающій ваше мужество и неустрашимость производятъ во мнѣ истинное удовольствіе. И такъ теперь чувствую я оное въ полной мѣрѣ, услышавъ о храбрыхъ вашихъ дѣяніяхъ во вчерашнемъ съ флотомъ турецкимъ сраженіи. Сего я ожидалъ отъ васъ и вы совершенно оправдали мои заключенія о людяхъ вѣрою православною и любовью къ отечеству привязанныхъ. Я объявляю всѣмъ вамъ (атаману, старшинамъ и войску) мою благодарность и не премину о заслугахъ вашихъ засвидѣтельствовать предъ Монаршимъ Престоломъ“ [1]).

Что можетъ быть лестнѣе для русскаго воина какъ такая громкая похвала главнокомандующаго арміею, какой удостоился Сидоръ Игнатьевичъ Бѣлой и его храбрые казаки. Кромѣ благодарности свѣтлѣйшаго князя кошевой атаманъ, по представленію Потемкина за храбрость въ морскомъ сраженіи, 7 іюня былъ пожалованъ чиномъ полковника, а бывшіе съ нимъ въ этомъ дѣлѣ казаки получили въ награду отъ Государыни по одному рублю [2]).

Послѣ этого морское сраженіе съ турками повторилось еще подъ Очаковымъ 17 іюня. Въ этомъ дѣлѣ вѣрные казаки оказали необычайную храбрость и отвагу. Они смѣло, несмотря ни на какой огонь съ турецкихъ судовъ, шли своими небольшими лодками на турецкіе корабли, брали ихъ на абордажъ и, несмотря на сильную оборону турокъ, безстрашно лѣзли на палубы этихъ морскихъ гигантовъ и безъ пощады разили враговъ. Такими смѣлыми нападеніями казаки приводили турокъ просто въ ужасъ и много способствовали прочимъ судамъ нашей флотиліи къ разбитію турецкой

---

[1]) Тамъ же. Дѣло 1788 г. № 10.

[2]) Тамъ же. Дѣло 1788 г. № 21. Московское отдѣленіе архива главнаго штаба, опись 107, дѣло 1789 г. № 54, св. 140. Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ Дубровина, вып. VI, № 112.

эскадры, которая, не выдержавъ сраженія, обратилась въ бѣгство. Пораженіе турокъ было полное.

Въ этомъ дѣлѣ вѣрные казаки, нападая на непріятельскія суда, взяли въ плѣнъ 235 турокъ, сорвали два судовыхъ флага, но за то покрывъ себя славою понесли жестокій уронъ. Кромѣ 3 убитыхъ и 8 раненыхъ казаковъ былъ смертельно раненъ сражавшійся впереди съ отчаянной отвагой и неустрашимостью кошевой атаманъ Сидоръ Игнатьевичъ Бѣлой и на третій день (17 іюня 1788 г.) отдалъ Богу душу. Генералъ Суворовъ, посѣтивши на другой день раненаго атамана и видя крѣпкій организмъ этого мощнаго старика, надѣялся, что онъ перенесетъ тяжкую рану. По этому писалъ князю Потемкину: „чаю, Сидоръ Игнатьевичъ будетъ живъ". Но надежда его не оправдалась. Рана была смертельная и кошевой атаманъ Бѣлой на третій день скончался. Объ этомъ Суворовъ донесъ тому же князю и приписалъ:—„На радость печаль. Сидору Игнатьевичу отдалъ послѣдній долгъ" [1]).

Оплакали вѣрные казаки своего любимаго кошевого атамана и съ подобающей воинской честью похоронили въ кинбурнской Александровской церкви [2]).

Передъ морскимъ походомъ изъ бугскаго Васильевскаго коша Сидоръ Игнатьевичъ Бѣлой составилъ духовное завѣщаніе и засвидѣтельствовалъ въ войсковой канцеляріи записью подлинникомъ въ журналъ 17 мая 1788 года, слѣдующаго содержанія:

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа аминь. Я рабъ Божій Сидоръ Игнатьевичъ сынъ Бѣлой, войска вѣрныхъ казаковъ войсковой атаманъ и отъ арміи подполковникъ, будучи въ престарѣлыхъ моихъ лѣтахъ, почувствовавъ въ себѣ слабость, а къ тому и приготовленъ за вѣру христіанскую и всероссійскій престолъ отечества моего къ пролитію съ врагомъ нашего Спасителя крови, надѣюсь больше отдать духъ мой Всевышнему, нежели о продолженіи вѣка моего. Я въ добромъ нынѣ разумѣ завѣщаю и распредѣляю собственное мое нажитое мною движимое и недвижимое имѣніе, яко то имѣющіесь въ жительствующаго въ городѣ Кременчугѣ от-

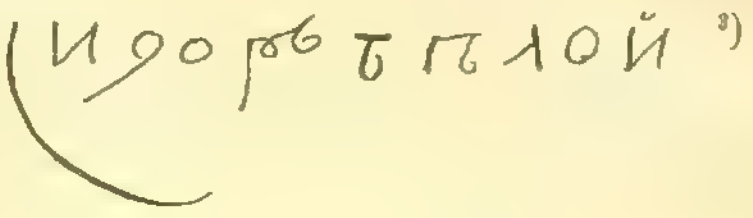
[1]) Кубанскій войсковой архивъ, по атаманской оппси, дѣло 1788 г. № 21 Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ Масловскаго, вып. IV, № 207, 319.—Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ Дубровина, вып. VI, № 412.

[2]) Фамильные документы, сообщенные внукомъ Сидора Бѣлаго, Николаемъ Бѣлымъ.

ставного прапорщика Григорія Васильевича Келебердяна серебряною и золотою монетами 15000 руб. денегъ, также и состоящіе на должникахъ моихъ разнаго званія людяхъ, значащихся по влагаемому у сіи завѣщательной духовной регистру и записямъ 10357 р. 26 коп. дѣтямъ моимъ роднымъ Николаю, Василію, Тимофѣю, и Александру и дочерѣ Маріи, изъ коихъ послѣдніе остающіеся на долгахъ доправить означенному Келебердяну и за выправкою какъ сіи, такъ и находящіеся у него 15000 р. вручаю ему же въ собственное его попеченіе, до возраста совершеннаго тѣхъ дѣтей моихъ . . . . . [1]) имѣетъ онъ Келебердянъ отдать для полученія процентовъ въ херсонскую банковую контору 10000 руб., а остальные держать ему у себя въ употребленіи съ полученіемъ на нихъ прибыли, а по совершенному оныхъ моихъ дѣтей возрасту имѣетъ онъ Келебердянъ какъ столовые и наросшіе на нихъ сколько причтется отдать каждому по ровной части; на случай же могъ бы который сынъ или дочь постигти смерти, то его часть распредѣлить соразмѣрно остающимся. Женѣ моей законной Маріи Даниловой дочери назначенную по указамъ бывшею Новороссійскою Губернскою Канцеляріею подъ двѣ слободы землю, полагалъ подъ каждую по 4500 десятинъ, на 150 дворовъ, состоящую Екатеринославскаго намѣстничества въ Херсонскомъ уѣздѣ подъ 1-ую именуемую Высунь при устьи Вербовой балки, на коей еще никакаго заселенія нѣтъ, а 2-ю Гордоватку при устьи Гордоватой съ населенными на оной 25 дворами и въ нихъ людьми, состоящими по нынѣшней четвертой ревизіи записанными за мною мужеска полу 30-ью, да послѣ оныхъ пріобрѣтенныхъ мною собственнымъ моимъ коштомъ и стараніемъ 20 мужеска, да всѣхъ знащихъ по ревизіи и послѣ оной пріобрѣтенныхъ женска полу 37-ю душами, стоящихъ мнѣ съ выводомъ на поселеніе 870 руб. такъ же скотъ на прописанной землѣ моей ходящій—лошадей 460. . . . . [1]) рогатаго: воловъ 100 въ 500 руб., коровъ 200 въ 800 руб., овецъ съ баранами 1500 въ 758 руб., мельницу сдѣланную въ дачѣ моей на р. Ингульцѣ деревянную о пяти колахъ, а равно и все строеніе въ слободѣ моей находящееся въ 6000 руб., да и хлѣбъ въ землѣ и наружности весь въ 200 руб. Смежные жъ моихъ дачъ Херсонскаго уѣзда состоятъ господа полковникъ Стырновъ, капитаны Емельянъ Сочавинъ, Дмитрій Корнѣевскій, Заградской и съ одной стороны пу-

[1]) Одно слово не разобрано.

стой казенной земли, съ тѣмъ однако же, что бы оная жена моя изъ того имѣнія прописанныхъ дѣтей имѣла на своемъ до возрасту ихъ воспитаніи и на всемъ содержаніи, отдавать въ науки ихъ россійской и прочей грамоти и за то платить и за землю подлежащія въ казну подати взносить, а въ случаѣ за послѣдованіемъ мнѣ смерти оная жена моя можетъ сочетаться по мнѣ вторымъ бракомъ, то должна она съ опредѣляемаго мною ей имѣнія получить себѣ только седмую часть, а остальное имѣетъ получить выше изъясненный прапорщикъ Келебердянъ для поясненныхъ моихъ дѣтей въ наслѣдство. Не имѣя къ прописанному имѣнію никому изъ сродственниковъ моихъ, также и оной моей женѣ (кромѣ опредѣленнаго ей) никакого дѣла. Да сверхъ того оставляю сыну моему Николаю дарованную . . . . . [1]) мнѣ Ея Императорскимъ Величествомъ при шествіи Ея чрезъ Херсонскій уѣздъ золотую табакерку, стоющую въ 600 руб. Буде же кто сіе мое духовное завѣщаніе нарушитъ, то да будетъ проклятъ на вѣки аминь. Къ сему завѣщательному духовному запису Сидоръ Игнатьевичъ сынъ Бѣлой, войска вѣрныхъ казаковъ войсковой атаманъ и отъ арміи подполковникъ своеручно подписываясь во всемъ вышеписанномъ утверждаю“ [2]).



[1]) Два слова не разобраны.
[2]) Кубанскій войсковой архивъ. По атаманской описи, дѣло 1788 г. № 4, кн. 3.
[3]) Автографъ Бѣлого.

Къ стр. 44.

Р. Кубань близъ главнаго Екатеринодарскаго поста.

Г. Екатеринодаръ: домъ наказнаго атамана Кубанскаго казачьяго войска.

II.

Захарій Алексѣевичъ Чепѣга.

Захарій Алексѣевичъ Чепѣга былъ уроженецъ Черниговской губерніи, селенія Борки. Прозваніе *Чепѣга* вѣроятно онъ получилъ въ Запорожьѣ; настоящая же его фамилія была *Кулишъ*. Если принять во вниманіе, что почтенные его родители, какъ извѣстно теперь, послѣ смерти, хоронились при мѣстной церкви, то нужно полагать что они были чѣмъ нибудь важнѣе простыхъ людей, не удостоиваемыхъ чести такихъ похоронъ; вѣроятнѣе всего они были тамошними помѣщиками [1]). Впослѣдствіи Захарій Алексѣевичъ будучи уже кошевымъ атаманомъ представилъ въ Екатеринославское губернское депутатское собраніе доказательства о своемъ дворянствѣ, по которымъ то собраніе признало его *потомственнымъ дворяниномъ* и внесло въ родословную книгу, на основаніи Высочайшей грамоты данной Императрицей Екатериной II россійскому дворянству, 21 апрѣля 1785 г., по 3-й части [2]).

Гдѣ воспитывался и чему учился молодой Захарій Кулишъ — неизвѣстно. Говорятъ, что онъ вовсе былъ неграмотный, о чемъ онъ и самъ заявлялъ, но этому трудно вѣрить; скорѣе можно предположить, что онъ былъ „не пись-

[1]) Кубанскій войсковой архивъ, по атаманской описи, дѣло 1793 г., № 218, 273. Изъ родственниковъ Захарія Алексѣевича извѣстна племянница, дочь роднаго его дяди Василія Кулиша, жившаго въ той же селеніи Боркахъ что и отецъ Захарія, впослѣдствіи отыскивавшая въ наслѣдство имѣніе, оставшееся по смерти кошеваго атамана.

[2]) Грамота дворянскаго депутатскаго собранія выданная Захарію Чепѣгѣ, напечатанная въ Кубанскомъ Сборникѣ за 1901 годъ, изданномъ Кубанскимъ Областнымъ Статистическимъ Комитетомъ, въ г. Екатеринодарѣ въ 1901 году.

менный" т. е. не умѣвшій хорошо писать скорописью, какъ и многіе его сверстники, ставившіе, вмѣсто буквъ знаки: бублика, половину обода, столбъ съ перекладиной и т. д. чтобы вышло подобіе подписи фамиліи. Это подтверждается еще и тѣмъ, что подпись „Захарій Чепѣга" мнѣ пришлось встрѣтить въ дѣлахъ Кубанскаго войскового архива [1]); обыкновенно же за него подписывался на оффиціальныхъ бумагахъ личный секретарь Мигринъ, и хотя послѣдній тоже заявлялъ, что кошевой атаманъ Чепѣга неграмотный, но этому все таки нельзя дать вѣроятія еще и потому, что въ Запорожьѣ, по словамъ Скальковскаго, кошевые атаманы не выказывали своей грамотности,—хотя и дѣйствительно были письменные, а Захарій Алексѣевичъ былъ истый запорожецъ и могъ подражать своимъ предшественникамъ.

Мы застаемъ Захарія Алексѣевича на службѣ въ войскѣ Запорожскомъ, въ 1750 году, когда ему было уже 24 года. Въ войсковомъ кошѣ онъ былъ записанъ въ Кисляковскій курень, въ которомъ числился по день своей смерти.

Служба Захарія Чепѣги проходила въ разныхъ командировкахъ, въ походахъ и военныхъ дѣйствіяхъ противъ непріятелей въ первую турецкую войну Екатерины II, гдѣ, какъ свидѣтельствуется въ аттестатѣ выданномъ ему въ бывшемъ кошѣ 5 іюля 1775 г., „мужественно стоялъ". Въ послѣднее время своей службы въ Запорожьѣ Чепѣга, пройдя рядъ войсковыхъ чиновъ, занималъ знатную должность полковника Протовчанской паланки (округъ). Эта должность была самая высшая и самая почетная въ рангахъ полковой старшины Запорожья. Онъ управлялъ цѣлымъ округомъ войсковой территоріи, населенной казаками и подданными войску людьми. Такіе полковники неминуемо должны были имѣть хорошую подготовку къ административной дѣятельности, и если скажемъ, что безъ знанія грамоты едва ли они могли оправдывать многосложныя свои обязанности, то, кажется, не ошибемся.

Когда была уничтожена въ 1775 году Запорожская Сѣчь и упразднено войско запорожскихъ казаковъ, то Чепѣга, оставляя свой постъ полаточнаго полковника удержалъ при себѣ свое полковое знамя, которое свято хранилъ во все время своей службы и, только, по переходѣ въ 1792 году на Кубань, когда образовалась въ Черноморіи первая Ейская паланка, въ составъ которой вошелъ и Кисляковскій курень.

---

[1]) Автографъ подписи „Захарія Чепѣга" прилагается въ концѣ.

въ которомъ числился и Чепѣга, онъ передалъ означенное скромное по виду, но важное по значенію знамя, которое въ настоящее время хранится въ войсковомъ штабѣ, въ числѣ войсковыхъ регалій [1]).

Захарія Алексѣевича не коснулась кара постигшая Запорожскую старшину войскового коша. Онъ остался въ числѣ благонадежной старшины и былъ пожалованъ чиномъ капитана арміи. Занималъ ли онъ при этомъ какую должность свѣдѣній не имѣется, но когда началась съ турками война въ 1787 году и князь Потемкинъ распубликовалъ грамоту свою 20 августа о призывѣ на службу запорожцевъ жившихъ въ екатеринославскомъ намѣстничествѣ, то Чепѣга собравъ часть запорожскихъ казаковъ, въ числѣ первыхъ явился къ названному князю въ Елисаветградъ съ предложеніемъ своихъ услугъ для защиты отечества отъ наступавшихъ враговъ.

Сіятельный князь, заботившійся тогда о возстановленіи войска Запорожскаго, остался весьма довольнымъ предложеніемъ Захарія Алексѣевича и 12 октября далъ ему слѣдующую грамоту:—„Объявляю всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что по случаю учиненнаго турками разрыва съ Имперіею всероссійскою и открывшихся военныхъ дѣйствій г. капитанъ Захарій Чепѣга, исполненъ будучи похвальной ревности и усердія къ службѣ Ея Императорскаго Величества и пользуясь случаемъ къ изъявленію противу враговъ христіанства мужественныхъ подвиговъ своихъ, предъявилъ желаніе собрать волонтеровъ и съ оными употребленъ быть при арміи . . .“; а 20 числа того же мѣсяца утвердилъ его войсковымъ полковникомъ, произвелъ въ чинъ арміи секундъ-маіора и въ знакъ власти далъ ему чрезъ генералъ-поручика Бибикова перначъ.

Воспользовавшись такимъ вниманіемъ князя Потемкина Чепѣга командировалъ съ означенною грамотою куреннаго атамана Андрея Бѣлого для сбора на службу запорожскихъ казаковъ и съ ними присоединился къ прочимъ именитымъ старшинамъ Сидору Бѣлому и Антону Головатому, формировавшимъ въ Бериславѣ волонтерскую команду, образовавшую войско вѣрныхъ казаковъ, подъ начальствомъ перваго

---

[1]) Записка, составленная изъ словъ капитана Самсона Бѣлого, служившаго *при боку* кошевого Чепѣги, и находящаяся въ дѣлѣ Кубанскаго войскового архива по описи войскового штаба 60-хъ годовъ.

изъ тѣхъ старшинъ, избраннаго войсковымъ товариществомъ кошевымъ атаманомъ [1]).

Когда въ морскомъ сраженіи кошевой атаманъ Сидоръ Бѣлой 17 Іюня 1788 года былъ турками убитъ, то войсковое товарищество запорожскихъ казаковъ собрало раду и послѣ долгихъ прѣканій между двумя партіями Головатаго и Чепѣги выбрала послѣдняго кошевымъ атаманомъ на мѣсто покойнаго Сидора Игнатьевича, въ каковомъ званіи Захарій Алексѣевичъ былъ княземъ Потемкинымъ утвержденъ 3 іюля того года и произведенъ въ чинъ арміи подполковника [2]).

Въ этомъ году войско вѣрныхъ казаковъ получило наименованіе *Черноморскаго.*

Оставляя по прежнему за собою личное командованіе черноморскими казаками, кошевой атаманъ Чепѣга препоручилъ начальство надъ пѣшей командой войсковому судьѣ Антону Головатому, бывшему въ чинѣ арміи премьеръ-маіора, а по войску полковника, въ вѣдѣніи котораго состояла и флотилія войска Черноморскаго, на которой служили пѣшіе казаки. Въ знакъ же власти Головатый получилъ отъ кошевого полковничій перначъ и проперъ (малое знамя).

Черноморская казачья флотилія въ то время стояла подъ Очаковомъ. 3 іюля Головатый, вызвавъ изъ лодокъ на берегъ казаковъ, объявилъ имъ объ утвержденіи главнокомандующимъ Захарія Чепѣги кошевымъ атаманомъ и о назначеніи послѣднимъ его начальникомъ всей Черноморской пѣхоты казаковъ и флотиліи. На другой день прибылъ въ кругъ казаковъ и самъ атаманъ. Выслушавши отъ нихъ разныя заявленія претензій и неудовольствій относившихся большей частью къ армейскому начальству, Чепѣга, выяснивъ недовольному товариществу непрочное еще положеніе своего войска съ большимъ усиліемъ сформированнаго, совѣтывалъ для поддержанія въ оному славы и порядка терпѣть всякія невзгоды и лишенія, въ ожиданіи лучшаго въ будущемъ положенія; а особенно слушаться и повиноваться начальству и не своевольничать. Разумный совѣтъ кошевого подѣйствовалъ на казаковъ лучше всякихъ угрозъ. Они спокойно возвратились на свои суда; имѣя въ виду еще и то, что

[1]) Кубанскій войсковой архивъ по атаманской описи, дѣло 1787 г. № 3. Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ Дубровина, вып. VI № 1-й. Документы Чепѣги напечатанные въ Кубанскомъ Сборникѣ за 1901 годъ.

Кубанскій войсковой архивъ, по атаманской описи, дѣло 1788 г. № 21.

рѣчь суроваго кошевого не допускала возраженій, да по его характеру не далеко было отъ слова и до *кія*.

Я не стану слѣдить за той тяжелой службой, какая выпала на долю Захарія Алексѣевича при началѣ его атаманства. Войсковой кошъ, не успѣвъ организоваться въ одномъ, переносился на другое мѣсто и то временно, подъ вліяніемъ военныхъ обстоятельствъ. Кошевыя дѣла по началу формированія войска требовали личнаго его присутствія, а этого нельзя было достигнуть за командировками по требованію начальства и военными дѣйствіями, а въ отсутствіе кошевого атамана и войскового судьи фактически заправлялъ войсковой писарь Подлесѣцкій, въ концѣ-концовъ оказавшійся еще и неблагонадежнымъ, котораго пришлось замѣнить старшиной Котляревскимъ. Самое войско довольно малочисленное, разбитое на двѣ части, конницу и пѣхоту, было не устроено ни въ строевой, ни въ матеріальной части, да и среди казаковъ воинская дисциплина отсутствовала. Требовалось много искусства и энергіи кошевого атамана, чтобы казаки при всѣхъ недостаткахъ и лишеніяхъ не разбѣжались и тѣмъ не прекратили существованіе едва только зародившагося Черноморскаго войска.

Высшее начальство казаковъ не жалѣло и требовало отъ нихъ кромѣ войны съ непріятелемъ такихъ еще трудныхъ работъ, что только благодаря настойчивости кошевого атамана и преданности къ нему казаковъ онѣ выполнялись. Взять хотя бы въ примѣръ рабочія команды, назначавшіяся въ зимнее время для выгрузки такелажа изъ замерзшихъ судовъ въ Бугскомъ лиманѣ, или выемки со дна того же лимана пушекъ и артиллерійскихъ припасовъ изъ затонувшаго судна. Въ зимнюю пору при жестокомъ вѣтрѣ и сильномъ морозѣ казаки работали въ водѣ при скудной пищѣ и недостаткѣ теплой одежды, отчего въ короткое время было доставлено въ кошъ, помимо больныхъ однихъ и искалѣченныхъ, съ отмороженными ногами до 50 человѣкъ, а всѣхъ умершихъ отъ изнуренія, холода и голода по мартъ 1789 года насчитывалось до 500 человѣкъ[1]).

Такая непомѣрная убыль для малочисленнаго Черноморскаго войска была чувствительна, и Чепѣга съ замираніемъ сердца смотрѣлъ на эту гибель казаковъ отъ невниманія высшаго начальства къ черноморцамъ, но жаловаться было нельзя, а просить освобожденія отъ воинскихъ работъ без-

[1]) Тамъ же. Дѣло 1789 г. № 52.

полезно; онъ хлопоталъ только, чтобы казаковъ хотя кормили и одѣвали на работахъ.

Поступленіе запорожцевъ изъ мѣстъ жительства въ войско черноморскихъ казаковъ шло не успѣшно потому, что было сопряжено съ большою трудностью. Многіе казаки находились въ крѣпостномъ рабствѣ, и помѣщики не выпускали ихъ изъ своихъ имѣній. Вопросъ, поднятый еще раньше старшиной Сидоромъ Бѣлымъ объ освобожденіи запорожцевъ отъ крѣпостной зависимости, не былъ разрѣшенъ, такъ какъ князь Потемкинъ находилъ его преждевременнымъ до полнаго устройства сформированнаго изъ нихъ Черноморскаго войска, не имѣвшаго еще для поселенія опредѣленной земли. Опубликованное повелѣніе его свѣтлости по екатеринославскому намѣстничеству о призывѣ казаковъ, въ какомъ бы они состояніи ни находились, на государственную службу, не всегда исполнялось какъ помѣщиками, такъ и мѣстными властями, стоявшими на сторонѣ послѣднихъ.

Со всѣхъ сторонъ доходили до кошевого атамана извѣстія, что помѣщики удерживаютъ у себя казаковъ крестьянами, а у тѣхъ казаковъ, которые по вызову Потемкина ушли на службу, отбираютъ имѣнія, а нѣкоторые бары и ихъ управители, мстя семьѣ ушедшаго, заставляютъ жену и дѣтей работать цѣлый день безъ отдыха, а на ночь запираютъ въ пустую избу, или закидываютъ въ яму и забиваютъ въ колодки, чтобъ не уходили съ барщины; были такіе изверги, что днемъ заставляли работать, а на ночь еще и розгами сѣкли, а менѣе послушныхъ морили голодомъ и раза по три на день сѣкли батажьемъ, да не только взрослыхъ, а и малолѣтнихъ.

Сердце кровью обливалось у несчастныхъ казаковъ, состоявшихъ уже на службѣ въ войскѣ Черноморскомъ; когда доходили до нихъ слухи о страданіяхъ ихъ семействъ отъ безжалостныхъ пановъ, но никакія бѣдствія не могли поколебать рѣшимость ихъ служить вѣрою и правдою царю и отечеству въ своемъ юномъ казачьемъ войскѣ; они съ замѣчательною покорностью переносили удручающее ихъ горе и слушали отеческое наставленіе своего батька-кошевого, котораго и боялись, и любили.

Захарій Алексѣичъ, собравъ выше изложенныя свѣдѣнія о бѣдственномъ положеніи запорожскихъ казаковъ, поступавшихъ на службу въ Черноморское войско, обратился въ октябрѣ 1788 г. къ князю Потемкину Таврическому съ слѣдующимъ прошеніемъ: „Безгласный родъ войска вѣрныхъ

коша сего казаковъ на службѣ состоящихъ, зазывомъ собранный воплитъ о порабощеніи гг. помѣщиками ихъ женъ яко бы въ вѣчно твердящее время, а благо нажитое таковыхъ имѣніе тѣми забратое уже вовсе въ вѣчнопотомный пожитокъ обращено и повлеклось нѣкоторыхъ въ продажу. Таковый племени сего терпимый утѣсненія поступокъ требуетъ подъятія на подвигъ прилежнаго вашей свѣтлости прикосновенія, да о жизненномъ освобожденіи переселеніи въ сказанную землю ихъ пользы, а у вѣчно поставляемое сего собранія пособіе, согласно Императорскому узаконенію подадите, чего отъ изліянія воли на васъ и внутренно обитаемыхъ щедротъ умильной ожидаютъ резолюціи“ [1]).

Такая цвѣтистая просьба Чепѣги затрогивала, давно поднятый еще Сидоромъ Игнатьевичемъ Бѣлымъ, вопросъ объ освобожденіи казаковъ отъ крѣпостной зависимости и опредѣленія имъ земли для поселенія. Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, предрѣшенъ былъ уже и Государыней въ положительномъ смыслѣ, но князь Потемкинъ, несмотря на вопіющія бѣдствія черноморцевъ, не находилъ возможнымъ исполнить вполнѣ желаніе казаковъ и воли монархини. Причины для этого были основательныя. Если освободить отъ помѣщиковъ всѣхъ закрѣпощенныхъ ими запорожцевъ съ ихъ семействами и вывести ихъ изъ господскихъ имѣній, то нужно было дать имъ безотложно землю для поселенія на югѣ Россіи, хотя бы и предназначенную уже въ Керченскомъ кутѣ и на Тамани, но во первыхъ той земли было весьма недостаточно для поселенія всѣхъ жителей бывшаго Запорожья, хотя бы и одного только казачьяго сословія, во вторыхъ—земли тѣ были далеко отъ театра военныхъ дѣйствій, гдѣ собирались казаки по случаю войны съ турками, а хотя большая часть ихъ еще не прибыла на театръ военныхъ дѣйствій, но съ освобожденіемъ изъ подъ крестьянства они должны были идти не на переселеніе съ семействами къ берегамъ Керченскаго пролива, а съ оружіемъ въ рукахъ на берега Буга, гдѣ тогда оперировала русская армія, двигаясь къ Днѣстру. Черноморскіе казаки въ это время не имѣли ни времени ни возможности заниматься переселеніемъ въ далекій край и даже не могли воспользоваться гораздо позже подаренными имъ княземъ Потемкинымъ богатѣйшими рыболовными мѣстами на Азовскомъ морѣ, до окончанія войны.

Но *вопль* черноморцевъ, о которомъ писалъ Чепѣга не

[1]) Тамъ же. Дѣло 1788 г. № 18, 1789 г. № 41.

остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Свѣтлѣйшій князь строго подтвердилъ мѣстнымъ властямъ о безпрепятственномъ отпускѣ запорожскихъ казаковъ на службу въ Черноморское войско и о нестѣсненіи ихъ семействъ. Такое повелѣніе начальника края и уполномоченнаго Высочайшею властію распорядителя судьбы запорожскихъ казаковъ облегчило ихъ положеніе, и прибыль казаковъ быстро увеличивалась, такъ что во второй половинѣ 1789 года въ Черноморскомъ войскѣ насчитывалось ихъ въ пѣхотѣ до 5000 и въ конницѣ до 2000 человѣкъ.

Во все время войны кошевой атаманъ Чепѣга былъ въ особенной милости у главнокомандующаго арміей князя Потемкина Таврическаго.

Не перечисляя всѣхъ военныхъ отличій Чепѣги оказанныхъ во время войны съ турками, не могу пропустить хотя нѣкоторыя изъ его дѣйствій противъ непріятелей. Во время осады Очакова генералъ-поручикъ Потемкинъ обратился съ просьбою къ Захарію Алексѣевичу достать языка изъ крѣпости Гаджибея, чтобы узнать число и расположеніе имѣвшихся тамъ турецкихъ войскъ. Но какъ это было сдѣлать, что бы незамѣтно проникнуть въ непріятельскую крѣпость и взять въ плѣнъ хотя бы одного турка, если уже и не въ самой крѣпости, то хотя возлѣ нея, это весьма важное порученіе Захарій Алексѣевичъ, не довѣряя никому другому, взялъ на себя. Темной ночью онъ пробрался къ Гаджибею и оттуда на другой день привелъ двухъ плѣнныхъ турокъ. Какъ онъ умудрился взять ихъ, Богъ вѣдаетъ. Преданіе гласитъ, что Чепѣга былъ *хоретерникъ*[1]), что онъ по этому бралъ въ плѣнъ турокъ и водилъ ихъ за собой привязанныхъ веревочкой за поясъ какъ послушныхъ овечекъ.

Взять двухъ человѣкъ въ плѣнъ въ сраженіи, или на открытомъ мѣстѣ дѣло не важное, но захватить ихъ подъ крѣпостными пушками въ ночное время—подвигъ не маловажный,—если къ этому прибавить еще важныя послѣдствія, вытекавшія изъ показаній приведенныхъ плѣнниковъ. Вѣроятно за этотъ и другіе отличные подвиги кошевого атамана въ военныхъ дѣйствіяхъ онъ былъ пожалованъ арміи подполковникомъ.

Подъ конецъ года главнокомандующій, желая отнять у Очаковскаго гарнизона подвозъ продовольствія изъ Гаджебея, приказалъ кошевому атаману послать въ эту крѣпость

---

[1]) Колдунъ.

100 человѣкъ казаковъ съ капитаномъ Булатовымъ для поджога турецкихъ продовольственныхъ магазиновъ. Приказаніе это совсѣмъ было не исполнимо. Что могла сдѣлать сотня казаковъ подъ выстрѣлами турецкаго гарнизона, пройдти незамѣченными въ такомъ числѣ казаки не могли, а силою пробраться до турецкихъ продовольственныхъ запасовъ было немыслимо. Тогда Захарій Алексѣевичъ рѣшился самъ лично выполнить порученіе князя Потемкина, - не даромъ же онъ считался колдуномъ. Храбрость здѣсь была уже не причемъ; оставалась отвага и военное искусство. 29 октября Чепѣга взялъ съ собою нѣсколько человѣкъ самыхъ отважныхъ казаковъ и, пробравшись ночью къ Гаджибею, зажегъ береговой цейхгаузъ: а вслѣдъ за тѣмъ 7 ноября сжегъ въ самой гаджибейской крѣпости амбаръ съ продовольствіемъ. Какъ это онъ умудрился сдѣлать,—одинъ Богъ вѣдаетъ, но только этотъ замѣчательный подвигъ князь Потемкинъ довелъ до свѣдѣнія самой Государыни, которая безстрашнаго атамана наградила орденомъ св. Георгія 4 класса [1]).

Нельзя не упомянуть еще одного замѣчательнаго подвига Чепѣги, совершеннаго имъ въ 1789 году. Послѣ взятія Очакова, русская армія передвинулась на турецкую землю между Бугомъ и Днѣстромъ. Намѣреніе князя Потемкина было овладѣть сильною турецкою крѣпостью Бендерами на Днѣстрѣ. Съ этою цѣлью онъ поручилъ кошевому атаману Чепѣгѣ произвести рекогносцировку окрестностей этой крѣпости. Командированный для этого войсковой полковникъ Неякій съ командою черноморскихъ казаковъ, воротившись, донесъ, что непріятелей нигдѣ не замѣчено. Тогда сдѣлано было распоряженіе открыть и самыя Бендеры, для чего былъ назначенъ отрядъ изъ казачьихъ частей Донскихъ, Черноморскихъ и Бугскихъ. Но тутъ вышли недоразумѣнія въ начальствованіи этимъ отрядомъ: генералъ Кутузовъ во главѣ ставилъ донского походнаго атамана полковника Исаева, а кошевой атаманъ черноморцевъ считалъ такое подчиненіе свое младшему по званію для себя унизительнымъ. Исаевъ былъ атаманомъ походныхъ полковъ, а Чепѣга былъ атаманомъ цѣлаго войска. Въ виду этого онъ на соединеніе съ

[1]) Московское отдѣленіе архива главнаго штаба, опись 107, дѣло № 89, св. 140. Кубанскій войсковой архивъ, дѣла атаманскія 1788 г., № 4, 6. Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ Дубровина, вып. VI, № 103. Письмо князя Потемкина Захарію Алексѣевичу 12 декабря 1788 г. и Высоч. грамота ему же 4 декабря 1792 г., напечатанныя въ Кубанскомъ Сборникѣ за 1901 годъ.

Исаевымъ не пошелъ, а выступилъ 16 іюня отдѣльно съ черноморскими казаками, а потому достигъ Бендеръ раньше Исаева. Этотъ случай дорого стоилъ черноморцамъ. Едва только они подошли къ Днѣстру, какъ противъ нихъ выступили изъ Бендеръ турки, переправившіеся чрезъ рѣку и вступили съ ними въ сраженіе. Отступать было невозможно, да и позорно. Чепѣга, имѣя у себя не болѣе 1000 казаковъ, смѣло пошелъ на бой съ непріятелемъ, втрое превышавшемъ его силы.

Пять часовъ кипѣлъ жестокій бой между турками и черноморцами. На турецкой сторонѣ было превосходство въ числѣ, а у черноморцевъ силу замѣняли храбрость и отвага, и только когда сражавшійся впереди казаковъ атаманъ Чепѣга получилъ тяжкую рану пулей навылетъ въ плечо, тогда только, увидя своего предводителя окровавленнымъ и изнемогшимъ отъ потери крови, черноморцы стали было отступать, но въ это время подоспѣли къ нимъ донцы и бугцы, и турки были разбиты.

Въ этомъ сраженіи Чепѣга съ своими черноморцами отбилъ у турокъ два очаковскихъ знамени и захватилъ въ плѣнъ 12 человѣкъ.

Кутузовъ, питая неудовольствіе на Чепѣгу за неисполненіе его распоряженія относительно подчиненія Исаеву, раздѣлилъ славу побѣды надъ турками одинаково между всѣми тремя начальниками отряда и писалъ Захарію Алексѣевичу, что онъ не считаетъ нужнымъ доводить объ этомъ до свѣдѣнія свѣтлѣйшаго князя. Тѣмъ не менѣе Чепѣга былъ произведенъ вскорѣ послѣ бендерскаго сраженія въ полковники арміи, о чемъ свидѣтельствуетъ одинъ ордеръ князя Потемкина, писанный Захарію Алексѣевичу 10 іюля 1789 г., въ которомъ онъ именуется уже *полковникомъ*. (Въ Московскомъ отдѣленіи архива главнаго штаба, по 107 описи, подъ № 89, св. 140, о производствѣ подполковника Чепѣги въ полковники).

Тяжкая рана уложила надолго Захарія Алексѣевича въ постель. Онъ отправился для излѣченія на дачу свою въ Громоклеи, а командованіе войскомъ поручилъ войсковому судьѣ Головатому. Сильный духомъ и тѣломъ, кошевой атаманъ въ іюлѣ былъ уже на ногахъ и опять принялъ дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ съ турками. Главнокомандующій оцѣнилъ по достоинству боевые подвиги этого вождя черноморцевъ въ теченіе всей компаніи этого года, и въ воздаяніе отличныхъ заслугъ его на пользу отечества

удостоилъ Высочайшаго вниманія. 24 ноября полковникъ Чепѣга былъ произведенъ въ бригадиры [1]).

Взявши Бендеры и другія крѣпости по Днѣстру, князь Потемкинъ утвердился на этой рѣкѣ и тамъ же расположилъ Черноморское казачье войско, которое заняло кордонную линію противъ турокъ, находившихся между Днѣстромъ и Дунаемъ; для своей же кошевой резиденціи Чепѣга занялъ молдавское селеніе Слободзею-Руфу.

Насталъ 1790 годъ, а вмѣстѣ съ нимъ пришла и величайшая радость доблестнымъ черноморцамъ. Пришло время удовлетворить завѣтное желаніе ихъ: водвориться прочно на своей землѣ. Этотъ годъ былъ самый знаменательный, какъ для черноморскихъ казаковъ, такъ и для ихъ атамана, выказавшаго, кромѣ военной храбрости, еще и замѣчательныя административныя способности.

Приготовляясь перенести русское оружіе на Дунай, князь Потемкинъ вполнѣ считалъ завоеванную у турокъ землю между Бугомъ и Днѣстромъ свободною отъ непріятелей и считалъ себя вправѣ ею распорядиться по своему усмотрѣнію. Эту-то землю сіятельный князь рѣшилъ предоставить войску черноморскихъ казаковъ.

Получивъ въ январѣ высокое званіе великаго гетмана казачьихъ Екатеринославскихъ и Черноморскихъ войскъ, Потемкинъ извѣстилъ объ этомъ кошевого атамана и грамотой 14 апрѣля по званію гетмана утвердилъ Чепѣгу въ его атаманскомъ званіи, подаривъ ему дорогую саблю, и велѣлъ сформировать особый полкъ казаковъ къ гетманской булавѣ, въ который Захарій Алексѣевичъ выбралъ самыхъ лучшихъ и здоровыхъ 500 казаковъ, составившихъ гвардію гетмана.

Вслѣдъ за этимъ универсаломъ сіятельный князь далъ кошевому атаману слѣдующій знаменательный ордеръ: „Поставляю по званію моему непремѣннымъ себѣ долгомъ пещись о доставленіи всего возможнаго блага Всемилостивѣйше ввѣренному мнѣ войску вѣрныхъ казаковъ Черноморскихъ, всеподданнѣйше представилъ я Ея Императорскому Величеству о поселеніи сего войска на привольныхъ мѣстахъ по берегу Чернаго моря между Днѣстра и Буга, отведя чрезъ

---

[1]) Кубанскій войсковой архивъ, по атаманской описи, дѣло 1789 г., № 51. Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ Дубровина, вып. VI, № 213. Ордеръ князя Потемкина Таврическаго кошевому атаману Чепѣгѣ и Высочайшая грамота ему же, напечатанные въ Кубанскомъ Сборникѣ за 1901 годъ.

землемѣровъ достаточное количество земли и вверхъ сихъ рѣкъ, сколько потребно будетъ; тоже и у Кинбурна, гдѣ включаются въ межу войсковую и озера, буде есть непринадлежащія владѣльцамъ...“ Въ другомъ ордерѣ 19 числа того мѣсяца Потемкинъ писалъ: „Войска вѣрныхъ казаковъ Черноморскихъ кошевому атаману господину бригадиру и кавалеру Чепѣгѣ, войсковымъ старшинамъ и всему обществу. На Кинбурнской сторонѣ земли непринадлежащія помѣщикамъ, а отъ Буга до Днѣстра линіею на картѣ означенныя, опредѣляются для войска Черноморскаго, присовокупляется къ тому еще округъ Еникальскій съ Таманомъ, на которомъ отведенныя мнѣ мѣста съ рыбными ловлями самыми изобильными, любя войско навсегда оному дарую...“ [1]).

Радости Захарія Алексѣевича и подчиненныхъ ему черноморцевъ не было предѣловъ. Наконецъ то, они дождались обѣтованной земли, на которой они съ семействами будутъ спокойно жить и вѣрно служить царю и отечеству. Для кошевого атамана открывался широкій кругъ дѣятельности, по устройству своего войска на указанной землѣ, а для казаковъ не было больше препятствій переводить на эту же землю свои семейства съ прежнихъ мѣстъ жительства, гдѣ они страдали подъ гнетомъ помѣщиковъ.

Въ этомъ же году началось заселеніе черноморской войсковой земли черноморцами, выводившими свои семейства изъ помѣщичьихъ имѣній. Казаки занимали пустыя селенія молдованъ, ушедшихъ во время военныхъ дѣйствій за Днѣстръ, и строили вновь жилища какъ въ селеніяхъ, такъ и хуторахъ по примѣру запорожскихъ зимовниковъ, заводили при рѣчкахъ и лиманахъ рыболовство, устраивали пасѣки, начали заниматься хлѣбопашествомъ, чему начало положили еще въ Запорожьѣ, а скотоводство было у нихъ обычное.

Кошевой атаманъ, раздѣливъ землю на паланки Подднѣстрянскую, Березанскую и Кинбурнскую, назначилъ въ каждую поланочнаго полковника, съ штатомъ прочихъ чиновъ и кромѣ того опредѣлилъ еще особаго полковника, для надзора за порядкомъ пріема и устройства переселенцевъ, вмѣнивъ ему въ обязанность, произвести перепись всего войскового населенія и оставшихся на войсковой землѣ жителей, бывшихъ въ турецкомъ подданствѣ,—которыхъ князь Потемкинъ разрѣшилъ считать принадлежащими Черноморскому

[1]) Кубанскій войсковой архивъ, по атаманскои описи, дѣла 1790 г., № 13, 86.

войску, какъ были прежде „посполитые“, поселенцы на земляхъ Запорожскаго войска. Вновь прибывавшимъ казакамъ и ихъ семействамъ, этотъ полковникъ долженъ былъ указывать мѣсто для поселенія, бѣдныхъ казаковъ опредѣлять въ пѣхоту, а состоятельныхъ въ конницу, внушать имъ добрую нравственность и готовность по первому требованію идти на службу, ссоры и тяжбы между жителями немедленно и справедливо рѣшать, провинившихся наказывать, большихъ преступниковъ присылать въ кошъ на судъ, а воровъ и разбойниковъ совсѣмъ искоренять. Войсковыя лѣса охранять чрезъ особыхъ лѣсничихъ, отпуская жителямъ лѣсъ для одного только устройства жилищъ, отдать на откупъ часть рыболовныхъ водъ и продажу горячихъ напитковъ сторонним лицамъ, со взносомъ откупной суммы въ войсковой доходъ и арендовать свободную землю иногородцамъ подъ попасъ рогатаго скота и овецъ, а съ почевавшихъ на войсковой территоріи цыганъ взимать подушную подать въ доходъ войсковой казны.

Все это полковникъ (Гоража) исполнялъ въ точности и кромѣ этого по распоряженію Чепѣги, завелъ войсковой табунъ лошадей и рогатаго скота, изъ котораго поступали въ войсковой доходъ деньги, выручавшіяся отъ продажи пригульныхъ животныхъ, а въ свободное отъ военныхъ дѣйствій время въ этомъ табунѣ ходили казачьи лошади. Независимо всего этого Чепѣга командировалъ войскового асаула Сутыку ко всѣмъ рѣчкамъ и лиманамъ для осмотра и описи устраивавшихся тамъ рыболовныхъ заводовъ, приказавъ завести порядокъ, чтобы одна половина дохода отъ рыболовства шла на неводъ, а другая на забродчиковъ, въ войсковой же доходъ опредѣлилъ взимать съ каждаго завода по 20 рублей. Когда же нѣкоторые изъ рыболововъ вздумали было противорѣчить атаманскому опредѣленію, то Чепѣга приказалъ Кисляковскому куренному атаману отправиться на рыболовные заводы и всѣхъ неповинующихся хозяевъ жестоко наказать *кіями*, а забродчиковъ разогнать.

Въ самомъ Слободзейскомъ кошѣ Чепѣга строилъ канцелярію, войсковую школу и походную церковь во имя Святой Троицы, на столбахъ подъ камышевою крышей [1]).

Среди такой кипучей дѣятельности кошевого атамана о благоустройствѣ войска Черноморскаго, онъ былъ вытребованъ Потемкинымъ въ Яссы и тамъ получилъ личныя при-

[1]) Тамъ же. Дѣло 1790 г. №№ 11, 15, 59, 60, 78, 1791 г. № 154.

казанія свѣтлѣйшаго, началъ готовиться въ походъ за Днѣстръ.

Взявши Килію, Тульчу и Исакчи главнокомандующій приступилъ къ главной турецкой крѣпости на Дунаѣ Измаилу. Но эта твердыня' не сдавалась и только послѣ долговременной осады взята штурмомъ 11 декабря.

Въ этотъ знаменательный въ военной исторіи день кошевой атаманъ Черноморскаго войска командовалъ второю штурмовою колонной генерала Арсеньева, со стороны Дуная. Высадившись на берегъ, онъ бралъ турецкія батареи и разилъ безъ пощады враговъ,—отличаясь мужествомъ, распорядительностью и личною храбростью, за что былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 3 класса и получилъ вмѣстѣ съ прочими золотой измаильскій крестъ [1]).

Возвратившись съ похода, кошевой атаманъ посвятилъ все свое время на упроченіе заведенныхъ порядковъ по управленію войска Черноморскаго и обратилъ особенное вниманіе на войсковое рыболовство въ Дунаѣ, гдѣ были отданы княземъ Потемкинымъ черноморцамъ оставленные турками горды. Чепѣга распорядился ихъ исправить и подъ руководствомъ назначеннаго опытного въ рыболовствѣ *шапаря* (смотрителя) успѣлъ выручить за 10 мѣсяцевъ дохода въ войсковой капиталъ до 9000 руб.

Въ слѣдующемъ году весною было получено свѣдѣніе, что турки собираются въ значительныхъ силахъ за Дунаемъ у Мачина. Командовавшій въ отсутствіе Потемкина арміею князь Репнинъ рѣшилъ перенести русское оружіе съ завоеванной земли на непріятельскую сторону. Съ этой цѣлью, были назначены въ походъ два отряда войскъ, подъ командой генераловъ Кутузова и Голицына, изъ коихъ въ первомъ находился и кошевой атаманъ Чепѣга съ черноморцами. Переправившись чрезъ Дунай, Кутузовъ разбилъ турокъ подъ Бабадагомъ и соединился съ Голицынымъ. Не продолжая далѣе военныхъ дѣйствій за Дунаемъ, русскія войска возвратились на свою сторону. Но вскорѣ было получено извѣстіе, что турецкія войска вновь собираются у Бабадага. Тогда по приказанію Репнина, Кутузовъ 3 іюня двинулся за Дунай, а на другой день отправился туда и Чепѣга съ черноморскими казаками, изъ которыхъ 55 человѣкъ шли

---

[1]) Высоч. грамота бригадиру Чепѣгѣ 25 марта и письмо къ нему князя Потемкина 27 марта 1791 г. напечатанныя въ „Кубанскомъ Сборникѣ“ за 1901 г.

впереди проводниками отряда. На пути проводники замѣтили густую толпу непріятелей, и Чепѣга поспѣшилъ съ своими казаками въ авангардъ, гдѣ шелъ полковникъ Рибасъ съ егерями. Послѣдній по долгу службы, предложилъ было Чепѣгѣ, какъ старшему въ чинѣ, начальство, но Захарій Алексѣевичъ вѣжливо отклонилъ это предложеніе, сказавши. что будутъ вмѣстѣ начальствовать авангардными войсками. Тѣмъ временемъ непріятель скрылся.

На другой день бригадиръ Чепѣга сдѣлалъ самъ рекогносцировку и съ высокаго кургана замѣтилъ въ сторонѣ Мачина большое число турокъ, о чемъ тотчасъ донесъ Кутузову, отъ котораго получилъ приказаніе идти въ атаку на непріятелей. Отрядивъ противъ турокъ одной стороной 500 казаковъ, подъ командой войскового полковника Высочина, Чепѣга двинулся съ остальными черноморцами другой стороной противъ наступавшихъ враговъ, которыхъ онъ разбилъ и обратилъ въ бѣгство. Въ это время показалась еще одна партія турокъ, съ которыми Чепѣга вступилъ тоже въ жаркое сраженіе. Турки опять начали отступать. Но Чепѣга ни прежде, ни послѣ не преслѣдовалъ убѣгавшихъ враговъ, такъ какъ получилъ предостереженіе отъ одного непріятельскаго запорожца, что турки нарочно отступаютъ, чтобы, завлекши черноморцевъ въ западню къ оврагу, гдѣ стоялъ крымскій ханъ съ татарами, турецкими, запорожскими и некрасовскими казаками до 8000 чел., — ударить черномор цевъ въ тылъ.

Видя неудачу съ черноморцами турки начали вызывать перестрѣлкою подошедшихъ донцовъ, что бы хотя ихъ завлечь въ ханскую засаду, но тутъ уже Чепѣга вступилъ въ права авангарднаго начальника и приказалъ какъ донскимъ казакамъ, такъ и прочимъ регулярнымъ частямъ, подъ командой Рибаса находившимся, не гнаться за турками; премьеръ маіору Бѣлухѣ велѣлъ занять гору, скрывавшую ханскіе войска и стать фронтомъ противъ непріятеля, а самъ со всѣми черноморцами пошелъ съ фланга въ атаку на хана.

Напрасно, не ожидавшій такого нападенія, именитый татаринъ старался прорвать ряды черноморцевъ и подоспѣвшихъ рибасовскихъ егерей, напрасно производилъ стремительные натиски, чтобы отбросить нападавшихъ, ничто не имѣло успѣха и храбрый Чепѣга, разбилъ хана на голову и преслѣдовалъ нестройные толпы непріятелей до р. Густболя, устилая путь трупами ихъ. Въ этомъ дѣлѣ Чепѣга

потерялъ убитыми 4 и ранеными 35 человѣкъ; потеря же непріятелей была неизмѣримо больше.

Возвратившись къ отряду, бригадиръ Чепѣга получилъ новое приказаніе Кутузова преслѣдовать еще и далѣе отступавшихъ турокъ. Исполняя это приказаніе, Чепѣга, не давая отдыха себѣ и своему отряду пустился, въ атаку на турокъ, но послѣдніе, видя пораженіе хана разсѣялись и начали убѣгать. Несмотря на это, Чепѣга все-таки успѣлъ догнать кое-какихъ непріятелей и въ сраженіи съ ними отбилъ нѣсколько древокъ съ знаменъ, которые турки, не имѣя силъ спасти сами рвали на куски; кромѣ этого Чепѣга захватилъ три пушки, тяжелый обозъ и 6 плѣнныхъ.

Разбитые бригадиромъ Чепѣгою на всѣхъ пунктахъ турки бросили Бабадагъ, который на другой день Чепѣга съ Рибасомъ разорилъ, сопротивлявшихся турокъ перебилъ, окрестныя селенія выжегъ и въ завершеніе побѣды представилъ Кутузову еще до 30.000 четвертей хлѣба бывшаго въ Бабадагскихъ складахъ, 8 мѣдныхъ пушекъ и турецкій лагерь [1]).

Этотъ блестящій подвигъ кошевого атамана остался безъ награды. Причиной этому можно полагать была все та же месть Кутузова, которая преслѣдовала Захарія Алексѣевича и подъ Бендерами.

Въ слѣдующій походъ самого князя Репнина за Дунай съ тремя корпусами войска, кошевой атаманъ Чепѣга съ черноморскими казаками находился подъ начальствомъ генерала Голицына. 28-го мая произошло сильное сраженіе русскихъ съ турками подъ Мачиномъ, и когда турки всей массой конницы обрушились на Голицына, то Чепѣга со своими казаками подоспѣлъ на помощь и въ жестокомъ бою оттѣснилъ непріятельскую кавалерію, но и самъ понесъ большой уронъ: 2 полковника, 4 старшины и 28 казаковъ были ранены, 1 хорунжій и 6 казаковъ убиты, но за то черноморцы въ этомъ сраженіи принесли большую пользу корпусному командиру Голицыну и доказали еще храбрость, отличавшую ихъ во все время этой войны; въ награду за отличіе при взятіи Мачина атаманъ Чепѣга пожалованъ орденомъ кн. Владиміра 3-й степени [2]).

---

[1]) Кубанскій войсковой архивъ, по атаманской описи дѣла 1791 г., № 110. Петровъ. Вторая турецкая война въ царствованіе Императрицы Екатерины II, т. II, стр. 211—212.

[2]) Высочайшая грамота кошевому атаману Чепѣгѣ 18-го марта 1792 года, напечатанная въ „Кубанскомъ Сборникѣ" за 1901 годъ.

Ко всему сказанному о дѣятельности Захарія Алексѣевича Чепѣги, слѣдуетъ прибавить, что князь Потемкинъ во все время войны съ турками старался вызвать изъ заграницы турецкихъ запорожцевъ и для этого не разъ поручалъ ему вести переговоры съ тѣми запорожцами. Но должно быть Чепѣга, будучи храбрымъ воиномъ, хорошимъ администраторомъ, не былъ искуснымъ дипломатомъ, и переговоры его съ запорожцами, поднимавшими свое оружіе за султана противъ русскихъ, не имѣли желаннаго успѣха; они переходили на нашу сторону только по одиночкѣ и небольшими партіями, причислялись къ Черноморскому войску, но главныя силы ихъ оставались въ рядахъ турецкихъ войскъ.

Въ 1791 году война съ турками окончилась, а вмѣстѣ съ ней окончилось и жительство черноморцевъ на отведенной имъ землѣ между Бугомъ и Днѣстромъ. Покровитель и благодѣтель черноморцевъ свѣтлѣйшій князь гетманъ Григорій Александровичъ умеръ, представленіе его объ утвержденіи за Черноморскимъ войскомъ этой земли осталось безъ послѣдствій. Черноморскимъ казакамъ давали одинъ только Таманскій островъ, на который они по Высочайшему повелѣнію и должны были переселиться на жительство.

„Зажурился“ кошевой атаманъ Чепѣга о новомъ разореніи едва только устроившихся своихъ казаковъ, собралъ раду и на ней предложилъ думу думать, какъ исполнить волю Государыни: откладывать переселенія было невозможно и переселяться всѣмъ черноморцамъ на небольшой Таманскій островъ было немыслимо, расходиться казакамъ попрежнему въ разныя мѣста крайне было прискорбно; это значило самимъ убить свое войско и закрыть уже навсегда войсковой кошъ.

По обсужденіи этого важнаго вопроса на радѣ рѣшено было послать къ Царицѣ депутацію съ прошеніемъ объ опредѣленіи для поселенія черноморскихъ казаковъ кромѣ Тамани еще и Кубанскую землю. Главнымъ представителемъ черноморской депутаціи былъ избранъ войсковой судья полковникъ Головатый, который въ мартѣ 1792 года съ почетными старшинами отправился въ Петербургъ.

Кошевой атаманъ Чепѣга, отправивъ всю пѣхоту черноморскихъ казаковъ моремъ на войсковой флотиліи на Тамань и самъ началъ подготовляться съ остальными черноморцами въ походъ, но для этого сталъ выжидать результатъ посольства Головатаго. Къ счастью для черноморцевъ оно увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Милостивая Государыня Высочай-

шею грамотою 30-го іюня пожаловала Черноморскому войску въ вѣчное владѣніе Кубанскую землю съ островомъ Фанагоріей (Тамань). Кромѣ этого пожаловала этому войску знамя, серебряныя литавры (съ таковыми же двумя трубами) и на дорогу въ дальній путь хлѣбъ и соль, а кошевому атаману Чепѣгѣ богатую саблю.

Съ такими дарами Антонъ Андреевичъ Головатый прибылъ въ Слободзею 15-го августа и былъ встрѣченъ кошевымъ атаманомъ съ большой церемоніей.

Отпраздновавъ Монаршую милость Захарій Алексѣевичъ двинулся съ черноморцами и ихъ семействами на Кубань [1].

Перезимовавши на Ейской косѣ, кошевой атаманъ Чепѣга передвинулся весною 1793 года съ черноморцами къ самой р. Кубани, гдѣ занялъ постами кордонную линію по этой рѣкѣ, противъ обитавшихъ на противоположномъ берегу закубанскихъ горскихъ черкесскихъ народовъ.

Расположивъ семейныхъ запорожцевъ слободами при самой Кубани подъ прикрытіемъ казачьихъ постовъ. Чепѣга съ остальными строевыми казаками сталъ лагеремъ въ Карасунскомъ кутѣ, построилъ крѣпость и тамъ основалъ войсковой кошъ, названный уже городомъ, *Екатеринодаръ*. Въ немъ было открыто уже не кошевое, а войсковое правленіе, построена войсковая Троицкая церковь, по примѣру Слободзейской, изъ которой полотна, иконостасъ и церковная утварь были перевезены Чепѣгой съ Днѣстра на Кубань, и сооружены по примѣру Запорожской Сѣчи куренныя зданія для помѣщенія куренныхъ атамановъ и холостыхъ бездомныхъ казаковъ.

Переселеніе черноморцевъ изъ-за Буга на Кубань большими партіями подъ начальствомъ партіонныхъ полковниковъ тянулось въ 1792—1793 гг., но и послѣ этого еще много прибывало казаковъ изъ прежнихъ мѣстъ жительства въ Черноморію, изъ числа жившихъ въ Запорожьи. Въ 1794 г. была произведена перепись всѣмъ переселенцамъ на Черноморскую войсковую землю и оказалось мужскихъ 12.645 и женскихъ 5.526 душъ.

Въ этомъ году Чепѣга сдѣлалъ распоряженіе о разселеніи по войсковой землѣ куренями всѣхъ наличныхъ черноморцевъ, находившихся частью во временно-расположенныхъ при Кубани слободахъ и таборахъ, а также и въ прочихъ

[1] Кубанскій войсковой архивъ, по атаманской описи, дѣло 1792 года, № 179.

мѣстахъ расположившихся, и чтобы не было ропота, что однимъ казакамъ назначено для поселенія мѣсто лучшее, а другимъ худшее, вызвалъ въ Екатеринодаръ всѣхъ куренныхъ атамановъ и далъ имъ жребій, какому куреню, гдѣ селиться.

Тягостно было для казаковъ переселеніе изъ за Буга на Кубань, да не менѣе тяжко было ихъ положеніе и при поселеніи на пустынной Кубанской землѣ, гдѣ не было до прихода ихъ ни людей, ни дорогъ, ни мостовъ, ни перевозовъ и, что самое главное, строительныхъ матеріаловъ внутри Черноморья; но заботливый атаманъ Захарій Алексѣевичъ изыскивалъ всевозможныя средства для вспомоществованія казакамъ въ ихъ первоначальномъ домоустройствѣ. Взявши подъ охрану прикубанскія лѣса, отпускалъ изъ нихъ строительный матеріалъ казакамъ, каждому, по мѣрѣ дѣйствительной надобности, завелъ пріятельскія отношенія съ сосѣдями своими закубанскими черкесами, которые снабжали черноморцевъ на первое время ихъ водворенія хлѣбомъ, разными жизненными продуктами и горскими издѣліями.

По преданіямъ, многіе казаки по приходѣ на Кубань, увидя обширные степи, обитаемые одними только звѣрями, хотѣли разбѣжаться, но Чепѣга мудрыми совѣтами, щедрыми обѣщаніями пособій, лаской и угрозой съумѣлъ удержать на мѣстѣ легкомысленныхъ казаковъ, предоставивъ имъ свободное пользованіе войсковыми земельными угодьями: богатыми рыболовными водами и соляными промыслами.

Я не могу перечислить всѣхъ распоряженій Захарія Алексѣевича относившихся къ благоустройству черноморцевъ на войсковой землѣ, скажу только, что это былъ добрый хозяинъ войска и попечительный отецъ войсковой казачьей семьи [1]).

Среди заботъ по устройству Черноморскаго войска на Кубанской землѣ, кошевой атаманъ Чепѣга былъ вызванъ по Высочайшему повелѣнію, въ 1794 году съ двумя конными казачьими пятисотенными полками въ Польшу. Отправивъ казаковъ по маршруту въ путь подъ командою полковыхъ командировъ, Чепѣга по приказанію графа Зубова поѣхалъ въ Петербургъ. Нелишнимъ будетъ привести хотя часть

[1]) Подробное описаніе поселенія черноморцевъ на Кубани и устройство ихъ быта на войсковой землѣ изложены мною въ рефератѣ, напечатанномъ во II томѣ „Извѣстій общества любителей изученія Кубанской области“.

письма его изъ столицы пріятелю своему Федору Бурсакову:—„6-го числа іюля я былъ представленъ Ея Императорскому Величеству и допущенъ къ ручкѣ, а 9-го числа Его Высочеству Великому Князю Павлу Петровичу, супругѣ его Маріи Феодоровнѣ и всей царской фамиліи и того числа обѣдалъ у царскаго стола, гдѣ и Государыня изволила кушать. За обѣдомъ сперва графъ Платонъ Александровичъ (Зубовъ), а послѣ Ея Величество присылали мнѣ въ бутылкѣ съ рюмкою вина; потомъ Всемилостивѣйшая Государыня, оказывая мнѣ высокую Монаршую милость, соизволила пожаловать при окончаніи стола на тарелкѣ винограда и персиковъ...“.

На другой день, по соизволенію Государыни придворные чины показывали Захарію Алексѣевичу всѣ царскіе покои внутреннихъ дворцовъ, кунсткамеру, арсеналъ и другія достопримѣчательности въ Петербургѣ и Царскомъ Селѣ. Показывавшіе говорили, что такого благодѣянія Царицы не многіе удостаиваются и что ему этимъ Государыня великую честь дѣлаетъ.

Отпуская Чепѣгу на войну съ поляками, Государыня еще разъ обласкала стараго храбраго вождя черноморцевъ и, какъ говорятъ, сказала: „Бей, сынокъ, враговъ отечества“. И этотъ сынокъ дѣйствительно исполнялъ съ усердіемъ завѣтъ Монархини, и за особыя отличія въ сраженіяхъ съ поляками и усердіе къ службѣ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ бригаднымъ командиромъ, а за храбрость, оказанную при взятіи штурмомъ Варшавскаго предмѣстья Праги, награжденъ орденомъ Св. Владиміра большого креста 2 степени [1]).

На этомъ оканчивается военная дѣятельность послѣдняго кошевого атамана войска черноморскихъ казаковъ Захарія Алексѣевича Чепѣги, урожденнаго Кулишъ. Возвратившись съ польскаго похода Захарій Алексѣевичъ снова занялся внутренними дѣлами своего войска. Такъ какъ къ этому времени куренныя селенія заняли уже свои мѣста, то войсковая территорія была раздѣлена на пять округовъ и въ нихъ открыты окружныя правленія. Подъ ближайшимъ руководствомъ окружныхъ полковниковъ, жители Черноморіи устраивали пути сообщенія, способствовавшія сношеніямъ ихъ съ ближайшими городскими рынками—Керчью и Ростовомъ на Дону,

[1]) Кубанскій войсковой архивъ, по атаманской описи, дѣла 1794 г. № 266, 273, 288, 291, 292, 318, 1795 г. № 322, Высочайшая грамота генералъ-маіору Чепѣгѣ 1 января 1795 г., напечатанная въ „Кубанскомъ Сборникѣ“ за 1901 годъ.

откуда они могли получать все необходимое для домашняго обихода.

При упроченіи домашняго обзаведенія черноморскихъ казаковъ, въ мирное время, съ развитіемъ рыбной, соляной промышленности, и скотоводства, дававшихъ хозяевамъ хорошій доходъ, заботы для кошевого атамана уменьшались. Отъ преклонныхъ лѣтъ, изнуренія походами, болей отъ старой тяжкой раны, силы Захарія Алексѣевича постоянно слабѣли. Вначалѣ 1797 года онъ простудился и 14 января умеръ отъ воспаленія легкихъ, на 71 году своей трудовой жизни.

Въ дѣлахъ войскового архива сохранился церемоніалъ погребенія этого кошевого атамана. Этотъ интересный документъ я считаю умѣстнымъ привести здѣсь дословно.

„1797 года января 15 дня, была церемонія препровожденія кошевого атамана, генералъ-маіора и кавалера Захарія Алексѣевича Чепѣги тѣла съ дома до войсковой соборной церкви, нижеслѣдующимъ порядкомъ:

На сборъ съ вѣстовой пушки выстрѣлено одинъ разъ и потомъ въ большой колоколъ продолжался часъ звона, по собраніи начали отъ дома его шествіе.

1) Архимандритъ Феофанъ и войсковой протоіерей съ десятью священниками въ уборѣ съ большими со свѣщами.

2) Псаломщики.

3) Евангеліе съ большимъ свѣтильникомъ.

4) Тѣло на колесницѣ везено шестью воронымі лошадьми, которыхъ каждую вели выбранные казаки, по обѣимъ же сторонамъ оного тѣла по шесть человѣкъ старшинъ придерживали гробъ съ перевязаніемъ чернымъ флеромъ рукъ и несеніемъ каждымъ свѣчей.

5) Крыша съ положенными на ней крестообразно жалованныхъ царской и гетманской двухъ сабель [1]).

6) На двухъ сшитыхъ съ темнаго хорошого зеленаго сукна обложенныхъ вокругъ серебряннымъ позументомъ подушкахъ два креста, на одной по правую сторону Владимірской 2 степени съ звѣздою, на второй, по лѣвую сторону, Георгіевской 3 класса.

7) Двѣ лошади верховыя, его любимыя, въ богатомъ уборѣ въ рукахъ ведены.

8) Жалованная войску булава.

9) По обѣимъ сторонамъ дороги перначей золотыхъ 12, серебряныхъ 4, да мѣдныхъ 16.

---

[1]) Одна изъ сабель кошевого Чепѣги находится у полковника Александра Яковлевича Кухаренко.

I 12458.

10) Два большихъ знамени — бѣлое и голубое [1]).

11) Пракеровъ конныхъ и пѣхотныхъ 12.

12) Между коими на дорогѣ впереди церковная хоругвь и крестъ, а впереди ихъ два свѣтильника. Все вышеписанное несено было куренными атаманами и старшинами.

13) Трехфунтовая войсковая пушка.

14) На сѣрой лошади довбышъ съ жалованными войску серебряными литаврами, кои были покрыты тонкимъ чернымъ сукномъ.

15) На лошадяхъ два трубача, съ жалованными войску серебряными вызолоченными трубами, перевязанными чернымъ флеромъ.

16) По обѣимъ же сторонамъ всего вышеписаннаго пѣшіе 500, а впереди конные столько же, вооруженные казаки шли стройно, а впереди оныхъ полковникъ на лошади съ обнаженною саблею. При препровожденіи же тѣла отъ самаго дома въ церковь читано было 12 разъ евангеліе, за коими по прочтеніи каждаго, палили казаки съ пушки и мелкаго ружья по одному разу, а 16 числа по отпѣтіи божественной литургіи и по отправленіи надъ тѣломъ обряда погребенія, тѣло покойнаго, таковымъ же порядкомъ несено было до могилы, которая вырыта въ крѣпости, по срединѣ, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ имѣетъ быть строиться войсковая соборная церковь. По опущеніи тѣла въ могилу и по отпѣніи вѣчной памяти выпалено было съ пушекъ девять разъ".

Покойный Захарій Алексѣевичъ не былъ женатъ. Домашнюю жизнь велъ самую простую, не любилъ роскоши и барскихъ палатъ и умеръ въ своей землянкѣ, бывшей, какъ помнили старые черноморцы, въ нынѣшнемъ городскомъ саду, г. Екатеринодара, около большихъ дубовъ.

Портрета этого атамана не осталось. Говорятъ, что какой-то живописецъ хотѣлъ срисовать съ него портретъ и когда спросилъ позволенія, то Чепѣга будто бы усмѣхнувшись отвѣтилъ, *„що тілки богівъ малюютъ"*.

Захарій Чепѣга [2])

---

[1]) Бѣлое знамя было войсковое, а голубое собственное Захарія Алексѣевича, сооруженное имъ послѣ назначенія его кошевымъ атаманомъ, какъ значится въ надписи, 21 апрѣля 1791 года.

[2]) Автографъ Чепѣги.

2007043143